

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ ДО ТРИДЕНТСКОГО СОБОРА

Упадок папской власти. После смерти Карла Великого (814) в Западной Европе наступил политический кризис. Как и другие общественные институты, папство стало жертвой политического и социального хаоса этой эпохи и утратило власть, престиж и моральный авторитет. Папы этого времени были ставленниками тех или иных римских политических партий или назначались германским императором.

ПАПСТВО В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. Утверждение феодализма привело Римско-католическую церковь в самое плачевное состояние. В эпоху социальных потрясений, вызванных нашествиями варваров, епископы и другие наделенные властью церковные мужи взяли на себя осуществление гражданских и политических функций, на которое оказались неспособны гражданские власти. Затем, с развитием феодального строя в X и начале XI в., император Священной Римской империи и другие крупные феодалы предпочитали наделять земельными владениями епископов, а не светских вассалов, поскольку первые не могли иметь династических притязаний, представлявших угрозу для суверена. Вследствие этого многие епископы и аббаты оказались не только церковными, но и могущественными мирскими владыками.

Епископов избирали в качестве вассалов — не столько за духовные качества, сколько за административные способности и готовность исполнять волю суверена. Такие церковные деятели, которые были поглощены мирскими делами и контролем за своими доходами, зачастую мало интересовались религией. Их нередко можно

было обвинить в симонии (торговле церковными должностями) и сожительстве с наложницами. В эти десятилетия упадка назрела и была признана необходимость реформы, однако феодальная система отношений, при которой светские государи могли осуществлять эффективный контроль над епископами и аббатами, делала подобную реформу трудной задачей.

РЕФОРМА ПАПСТВА. *Клюнийская реформа.* Средневековое реформаторское движение, начало которому было положено в аббатстве Клюни, охватило монашеские круги, а затем, с приходом к власти папы Льва IX (1049-1054) и его преемников, — и само папство. В 910 г. герцог Гильом Аквитанский основал монастырь Клюни, освободив его от всякого светского контроля и подчинив непосредственно папе. Несмотря на все свое обмирщение, папы в X в. опекали и защищали Клюни, предоставив целой череде пожилых благочестивых аббатов возможность реформировать и совершенствовать монашескую духовную жизнь.

Клюнийская реформа быстро распространилась при посредстве дочерних клюнийских монастырей и других обителей, реформированных монахами из Клюни. По мере того, как реформа шла вширь, монахи Клюни становились епископами важнейших епархий, а со временем — и папами.

Поначалу реформаторское движение не было связано с политикой. Его основной целью было нравственное возрождение духовенства.

Однако в XI в. реформаторы убедились, что довести реформу до конца возможно лишь в том случае, если будет упразднена практика назначения священнослужителей светской властью и на церковные

должности будут назначаться люди, пригодные для этого в духовном отношении.

Реформа папства. Начавшись в среде монашества, реформистское движение достигло папского престола с водворением на нем Льва IX, прежде епископа Туле. Новый папа объединил вокруг себя наиболее деятельных реформаторов того времени (в их числе был и монах Гильдебранд), которым предстояло начать борьбу за освобождение папства от контроля светской власти и сделать его очагом долговечных и эффективных реформ. Лев IX трижды пересекал Альпы, чтобы посетить Францию и Германию. Повсюду созывались совещания с целью пресечь злоупотребления, отменить симонию, укрепить целибат духовенства и сместить недостойных клириков.

Значительный шаг вперед был сделан на Латеранском соборе, созванном папой Николаем II (1059). Графы Тускуланские были против избрания Николая и пытались навязать своего кандидата. Чтобы пресечь такого рода влияние на папский престол со стороны местной аристократии, папа Николай выступил инициатором провозглашения Латеранским собором нового порядка избрания пап — прямым голосованием одних только кардиналов. Римскому духовенству и народу было позволено высказывать свое согласие, но не более того, а за императором Священной Римской империи было оставлено право подтверждать избрание.

Хотя этот новый порядок выборов был направлен главным образом против римской аристократии, он способствовал также и выведению выборов папы из сферы компетенции имперских властей. Папа Александр II был избран в 1061 г. в обход кандидата, указанного императором.

Григорий VII. Реформа папства и Католической церкви в целом достигла своей кульминации в понтификат Григория VII (1073-1085), который, будучи монахом с именем Гильдебранда, являлся фактическим лидером реформистски настроенной части Курии на протяжении 15 лет. Целью папы Григория было окончательно вывести церковь из-под контроля светских властей, чтобы она могла беспрепятственно осуществлять свои подлинные задачи. Он попытался ликвидировать утвердившийся в веках порядок и установить такие отношения между церковью и государством, которые предполагали бы превосходство церкви, основанной Богом, над всеми человеческими институтами.

Для достижения этих целей Григорий использовал все средства, способствовавшие централизации церковной власти в процессе осуществления реформ.

Он возродил практику назначения постоянных и временных легатов, используя их гораздо более широко, чем это бывало прежде.

Кроме того, он часто созывал в Риме соборы, на которые приглашались епископы не только из Италии, но и из других стран.

То и другое должно было ограничить власть митрополитов, для чего использовались также иные средства. Рассмотрение дел, до недавнего времени находившихся в ведении митрополитов, теперь было поручено легатам, а в отдельных случаях легатами осуществлялся даже надзор над выборами епископов.

Помимо этого, папа Григорий распорядился, чтобы специалисты в области канонического права свели воедино канонические постановления и сборники канонов с целью уяснить и расширить границы юрисдикции папы во внутрицерковных делах. Средством примирения множества противоречивших друг другу канонов стал

принцип, предложенный Ивом Шартрским и Бернольдом Констанцским: если два закона противоречат друг другу, то закону, исходящему от высшей инстанции, должно отдаваться предпочтение перед законом, установленным местной властью.

К середине XII в. этим и аналогичными принципами руководствовались уже повсеместно, и Франциск Грациан использовал их в своем знаменитом *Согласовании расхождений в канонах* (*Concordantia discordantium canonum*). Все эти меры способствовали централизации власти в руках папы.

Борьба за инвеституру. Вместе с тем проблема церковной реформы, перенесенная в плоскость обыденной жизни, выдвигала на первый план вопрос о юрисдикции над церковной иерархией: кто должен назначать епископов и определять круг их обязанностей и требования, которым они должны соответствовать, — папа или король?

В этом споре можно было привести определенные доводы в пользу той и другой стороны.

Короли и император Священной Римской империи полагали, что именно они должны осуществлять контроль над епископами, поскольку последние подотчетны своим мирским владыкам.

Папский престол настаивал на том, что епископское служение носит прежде всего духовный характер, и потому епископы должны нести ответственность главным образом перед своими митрополитами и папой.

Этот вопрос положил начало конфликту между папой Григорием VII и императором Священной Римской империи Генрихом IV (1050-1106), когда последний низложил Аттона, архиепископа Миланского,

рукоположенного предшественником папы Григория, поставив вместо него антиреформистски настроенного Тедалда.

На Лентенском соборе (1075) папа Григорий провел постановление о запрете светских инвеститур, отстранил ряд германских епископов и запретил мирянам присутствовать на мессе, которую служат женатые священники.

Генрих IV в ответ на это созвал в Вормсе синод германских епископов, и те, встревоженные реформаторским рвением нового папы, объявили его узурпатором и потребовали, чтобы он отрекся от папского престола.

В свою очередь Григорий ответил на это беспрецедентным шагом, объявив Генриха низложенным и освободив его подданных от каких-либо обязательств по отношению к императору. Германские епископы воспользовались этим в качестве оправдания, чтобы свергнуть императора с престола.

Генрих поспешил заключить с папой Григорием мир, что и было сделано в Каноссе.

Вормсский конкордат. При преемниках Григория и Генриха — папе Каликсте II (1119-1124) и императоре Генрихе V (1106-1125) — вопрос о светских инвеститурах был, наконец, урегулирован Вормским конкордатом 1122 г. Это компромиссное соглашение признавало двойственность положения епископов и оставляло за светским государем право облекать кандидата на епископскую кафедру знаками мирской власти, а за церковным владыкой — наделять его знаками власти духовной.

Это символическое разграничение в действительности означало, что кандидаты на епископство должны быть приемлемы и для церковных, и для светских властей.

Император гарантировал свободные выборы епископов.

В свою очередь, папа Каликст разрешил Генриху V участвовать в выборах (разумеется, при условии, что симония и принуждение будут исключены) и иметь право голоса при урегулировании возможных споров.

В знак признания мирских вассальных обязательств епископам было позволено приносить присягу императору, который, в свою очередь, вводил их во владение церковными землями посредством скипетра. Однако перстень и посох, а с ними и признание церковной власти епископы получали от митрополита.

В Англии еще ранее был заключен Лондонский конкордат (1107; он послужил прообразом Вормского конкордата), за которым последовала длительная борьба между св. Ансельмом Кентерберийским и английскими королями Вильгельмом II и Генрихом I.

Во Франции проблема инвеститур никогда не выступала на первый план вследствие имевших здесь место сильных реформаторских тенденций и слабости светских правителей, что приводило к снижению роли епископов как мирских вассалов.

Между теократией и неоцезаризмом

Труды Григория VII если и не потерпели крах, то и не привели к скорому результату. Плоды были собраны только два десятка лет спустя после того, как семя было брошено в землю.

XII и XIII века предстают перед нами как вершина средневекового христианства. Однако следует быть весьма осторожным: для верующего

в связи с этой эпохой речь идет лишь о подъеме цивилизации, безусловно, вдохновленном христианством и достойном восхищения.

Что же до историка, то он должен избегать идеализации предмета исследований и различать за внешним благолепием недостатки конструкции, трещины в стенах здания, которые со временем будут только расширяться, разрушая временное равновесие.

Противоречия XIV и XV веков уже намечаются в XII и XIII веках — в эпоху монастырей и кафедральных соборов.

Апогей христианского мира

Церкви удалось в какой-то мере сублимировать тягу средневекового человека к сражениям и воинским подвигам посредством института рыцарства, который позволил представителям благородного сословия найти свое христианское призвание.

Вдохновляемое идеалами доблести и щедрости, знаками отрешенности и великодушия, рыцарство на самом деле уходит корнями в мистицизм, о чем свидетельствуют поиски Грааля, которые стали сюжетом для целого направления средневековой литературы. Речь идет о братстве «рыцарей круглого стола», которые отправляются на поиски Чаши с Кровью, истекшей из тела распятого Иисуса Христа.

Паломничество, поиски Евхаристии, стремление к причастию — вот истинное, мистическое измерение рыцарства, наиболее наглядно выраженное в обычае ночного бдения в часовне и при оружии накануне посвящения в рыцари. Даже в начале XV века Конрад Витц, великий художник из Базеля, в сцене встречи Авраама и Мельхиседека изобразил патриарха одетым в доспехи, а таинственного священника — несомненный символ Церкви — преподающим рыцарю Святые Дары.

Великие деяния Средних веков с полным основанием можно рассматривать в свете рыцарского идеала, не забывая, однако, о социальном и экономическом контексте эпохи.

Запад в те времена переживал демографический подъем, начавшийся в конце XI и продолжавшийся вплоть до XIII века. Считается, что в период между 1150 и 1250 годами прирост населения в Европе составил почти двадцать миллионов человек. Таким образом, к середине XIII в. в латинском христианском мире обитало около шестидесяти миллионов человек, тогда как прирост населения за предшествовавший век не превышал четырех миллионов. Важно помнить об этом демографическом взрыве, когда мы говорим о крестовых походах.

Имеющие свои отрицательные стороны, крестовые походы, которые растянулись на два столетия (1096—1291), были одновременно военным предприятием и паломничеством во имя освобождения Гроба Господня. В них проявились отличительные черты странствующего народа, пришедшего в Компостеллу, а затем и в Рим, но прежде всего они предстают плодами грандиозных усилий Церкви, направленных к установлению и поддержанию мира.

В течение долгого времени Церковь призывала к тому, чтобы как можно чаще устраивать перемирия, которые назывались «Божьим миром»: в определенные периоды богослужебного цикла, а также с четверга по воскресенье. Она осуждала смертоносные турниры (на II Латеранском соборе в 1139) и использование наемных армий (на III Латеранском соборе в 1179). Крестовые походы стали, таким образом, титанической попыткой обуздать и направить в иное русло скрытую тягу к насилию, порожденную непрерывными конфликтами между королями

и сеньорами, как бы заключенными в своих землях, слишком тесных, чтобы прокормить столько ртов.

Но вместе с тем крестовые походы нарушили шаткое равновесие между тремя монотеистическими религиями, исподволь сложившееся в Европе.

Самый парадоксальный пример такого равновесия являла собой Испания. Реконкиста, то есть борьба с Исламом, проходила постепенно, и в Испании еще очень долгое время существовали области, где бок о бок жили христиане, мусульмане и иудеи. «Королем трех вер» прозвали Кастильского короля Альфонса VI Мудрого, правившего в промежутке между двумя ключевыми для истории Испании датами: 1094 — освобождением от Альморавидов Валенсии Сидом Кампеадором; и 1212 — годом победы при Лас-Навас-де-Толосе, где объединённые войска испанских королевств Кастилии, Леона, Арагона и Наварры во главе с кастильским королём Альфонсом VIII разгромили войска берберской династии Альмохадов. Эта битва явилась переломным моментом в истории Реконкисты; после неё начался развал государства Альмохадов (к 1248 г. в Испании в их руках осталась лишь Гранада) и быстрое территориальное расширение испанских государств.

Однако именно к эпохе крестовых походов относится начало гонений на евреев, до этого мирно живших не только в Испании, но и по всей Европе, в частности, на севере Франции, где находились их знаменитые интеллектуальные центры.

Для того, чтобы самому утвердиться, западное христианство исключало других.

Если какой-либо человек может считаться олицетворением эпохи расцвета латинского христианства, то это, конечно, св. Бернард

Клервосский (1091—1153). В 1146 году в Везеле он призвал ко второму крестовому походу; он покровительствовал первым тамплиерам, символизировавшим собою всю дерзновенность XII века. (Тамплиеры — орден одновременно военный и монашеский — видели свою миссию в защите паломников в Святую Землю.)

Хотя Бернард и не был основателем цистерцианского монастыря Сито (Цистерциум), в который поступил в 1113 году, именно он вдохновил последующую реформу монашеской жизни, проводившуюся под знаменем самоотречения и добровольной бедности. Цистерцианцы ранее отделились от Клунийского ордена (орден цистерцианцев был основан во Франции монахами-бенедиктинцами в 1098 г.): в тяжеловесном литургическом обиходе клунийцев и в благотворительности, питаемой доходами от огромных владений, они видели признак упадка, тогда как сами во главу угла ставили полное удаление от мира и погружение в тишину мистической жизни.

Известно, что поиски Грааля проходили под влиянием цистерцианства.

Бернард, подобно гиганту, возвышается над своим веком. Он присутствует во всех сражениях, всегда вступает в борьбу там, где, по его мнению, христианство оказывается под угрозой. Этот рыцарь, монах и священник, полный энергии и силы духа, самоотверженно сражается как за истинного Папу против узурпатора Анаклета, так и за истинную веру против Абельяра (1079-1142).

Абельяр — блестящий вольнодумец, предвосхищающий более диалектическую и более рациональную теологию, — по праву назван о. Шеню «первым человеком Нового времени».

В X-XIV вв. в католическом богословии разворачивается **спор об универсалиях** – общие понятия (или идеях), смысл которого состоял в выяснении реальности, объективности существования универсалий. В ходе этого спора определились три направления: *номинализм*, видевший в универсалиях общее имя, *концептуализм*, истолковывавший универсалии как обобщение, основанное на сходстве предметов, и *реализм*, полагавший, что универсалии существуют реально и независимо от сознания (*universalia sunt realia*).

Абеляр в этом споре извештен, как активный защитник концептуализма: общие понятия не являются ни реальностями, ни простым словесным обозначением, а заключены в значении слова и представляют собой мысленное содержание, относимое ко множеству отдельных вещей на основании имеющегося сходства или совпадения между ними. В этике Абеляр перенёс акцент с поступка на намерение и критерием нравственности считал согласие с совестью. Разработка Абеляром схоластической "диалектики", заключающейся в выявлении противоположных аргументов, сделала его одним из крупнейших представителей схоластического метода. Рационалистическая направленность теологии Абеляра ("понимаю, чтобы верить") вызвала протест представителей ортодоксальной мистики; учение Абеляра было осуждено Суассонским (1121) и Санским (1140) соборами, а также папой Иннокентием II.

Своим существованием цистерцианский орден свидетельствует о том, что призыв григорианской реформы возвратиться к евангельской бедности был услышан. ***Церковь обновлялась изнутри, показывая, что любовь к Богу главенствует над любовью к миру.***

Но значит ли это, что и другое направление григорианской реформы, цель которого состояла в том, чтобы отказаться от соблазнов феодализма и сохранить независимость Церкви перед лицом светской власти, принесло весомые плоды?

«Убийство в соборе» в Кентерберии архиепископа Фомы Бекета, совершенное в 1170 году по не слишком тайному приказу его царственного друга Генриха II Английского, ставшего его злейшим врагом, говорит о том, что напряженность по-прежнему существовала. В свою очередь Папа Александр III (1159—1181), канонизировавший Фому Бекета через три года после его убийства, был как раз тем Папой, против которого столь яростно выступал германский император Фридрих Барбаросса (+1190).

Если Церковь и могла противостоять постоянному вызову государства, то лишь потому, что ***с григорианской реформой к ней вернулось здоровье.***

Этому способствовало и следование сформулированному Бернардом ***принципу двух мечей***, духовного и мирского, которые держит в своих руках Папа, а также личные качества нескольких Римских понтификов подряд.

Та важная роль, которую сыграли люди, стоящие во главе Церкви, особенно видна в первой половине XIII века. Среди трех Пап – Иннокентия III (1196-1216), Гонория III (1216-1227) и Григория IX (1227—1241) — первый, несомненно, оставил самый глубокий след в истории Церкви.

В век стремящихся ввысь готических храмов, «чуда стрельчатых сводов», собора Сен-Дени в Париже, «безумно задуманного и мудро

исполненного», и в других сферах жизни воздвигаются гармоничные здания.

В середине XII века каноническое право было приведено в стройный порядок болонским монахом Грацианом – он создал *Concordantia discordantium canonum*, в котором упорядочил в один свод апостольские постановления, определения Вселенских соборов и папские декреты.

Затем IV Латеранский собор (1215), на который собрались епископы всего христианского Запада, досконально разработал пастырское законодательство, что было совершенно необходимо в эпоху укрепления и возвышения городов.

Кроме того, на III и IV Латеранских соборах были приняты постановления, регулирующие порядок выборов пап (чтобы положить конец спорам, выборы отныне осуществлялись большинством в две трети голосов), осуждены различные ереси и введен запрет на создание новых монашеских орденов без санкции папы.

Папа Иннокентий III сумел упорядочить мощное движение возврата к евангельской бедности, которое, после относительного спада цистерцианства, захватило всю Европу, принимая самые разные формы: от достойных восхищения (как, например, отшельничество) до самых странных и сомнительных.

Он осознавал опасность, исходящую от *вальденсов*, ставивших под сомнение религиозную обрядность и дисциплину.

Ересь вальденсов, или лионских братьев, лионских бедняков, явилась в последней четверти XII в. в Лионе. Зачинателем еретического движения был купец Пьер Вальдо (Valdo или Valdés), который, согласно преданию, роздал своё имущество и провозгласил бедность и аскетизм

жизненным идеалом. Члены организованной им секты давали обет не владеть собственностью, не иметь семьи. Ересь распространилась в Южной Франции, Испании, Северной Италии, Германии, Чехии, Швейцарии, в основном – среди ремесленников и крестьян. Резко критикуя Католическую церковь, вальденсы требовали от неё полного отказа от собственности и доходов, в частности – от десятины. Вальденсы проповедовали апостольскую жизнь, выступали против воинской службы, феодального суда и особенно против смертной казни. Они отвергали монопольное право католического духовенства на проповедь и совершение таинств (из которых признавали лишь крещение и причащение), отрицали догмат о Христе, веру в чистилище, в святых, поклонение иконам. Утверждение вальденсов, что всякий достойный человек может быть священником, влекло за собой сведение на нет роли всего католического духовенства, в том числе римского папы. Ересь вальденсов неоднократно осуждалась католической церковью (1179-1215). Они подвергались жестоким преследованиям во Франции и Испании, где их предавали сожжению. В начале XIII в. часть вальденсов под давлением папства отошла от движения на условиях признания Католической церковью некоторых особенностей их культа и права на проповедь "евангельской бедности". Часть вальденсов обосновалась в Италии (так называемые ломбардские бедняки, с центром в Милане). Многие переселились в высокогорные альпийские районы. Некоторые общины вальденсов сохранились и в XX в., преимущественно в Италии.

Но эти реформаторы были относительно умеренными; Церковь могла спорить с ними, пытаться вернуть их в свое лоно.

Не таковы были *катары* (от греч. *katharós* - чистый), распространившиеся в XI-XIII вв. в Италии, Фландрии, Южной Франции. Эта ересь была выражением протеста широких слоев горожан (преимущественно ремесленников) и части крестьян против феодального гнёта. Догматика катаров была в значительной мере заимствованная у богомилов.

Центром движения богомилов были Балканы. Возникло оно в начале X в., по-видимому, на территории Македонии под влиянием павликианства.

Павликиане явились в середине VII в. на Востоке Византийской империи (в Западной Армении), основателем движения был армянин Константин, принявший впоследствии имя Сильван. Основную массу павликиан составляли крестьяне и частично городские низы. Движение носило антифеодальный характер, было направлено против закрепощения, против гнёта государства. На формирование религиозно-философского учения павликиан оказали влияние манихейство, маздакизм. По философским воззрениям павликиане – **дуалисты**. Они признавали бога добра (небесный отец) и бога зла (сатана), Христа - как одного из ангелов и сына бога добра. Согласно учению павликиан, после того как будет уничтожен бог зла (творец видимого мира и людей), на земле распространится власть бога добра. Павликиане отвергали культ Богородицы, пророков и святых, церковь и духовенство и особенно монашество. Священной книгой считали лишь Новый завет (без посланий апостола Петра). Вероучение павликиан было оформлено в первой половине IX в. ересиархом Сергием-Тихиком.

С середины IX в. павликиане перешли к открытой борьбе, к вооружённому восстанию против византийского господства; их военачальниками в этот период стали Карвеас и Хрисохир. Павликиане создали в Малой Азии на арабо-византийской границе своё государство со столицей Тефрика. Во главе с Карвеасом и Хрисохиром они совершали походы во внутренние области Византии, доходя до Никеи и Никомидии, Эфеса. В 872 г. у Вафириака византийские войска разгромили павликиан, в битве

погиб Хрисохир; в 878 г. византийцы заняли Тефрику. Уцелевшие павликиане нашли убежище в Армении, где их последователями стали тондракийцы.

В VIII-IX вв. павликиане неоднократно переселялись византийским правительством на Балканы (главным образом в Филиппополь), где сыграли немалую роль в возникновении богомилства.

Название богомилов большинство историков возводит к попу Богомилу – предполагаемому основателю движения. Социальная программа: осуждение богатства, отрицание феодальной эксплуатации и государственной власти. Богомилы отвергали господствующую восточно-христианскую церковь, иерархию, храмы, таинства и обряды, совершаемые священниками (заменяв их более простыми молитвами, совместными ритуальными трапезами). Богомилы не признавали Ветхий завет, поклонение кресту, святым, мощам. В основе религиозно-философского учения богомилов лежало представление о ***двойственности мира***, о постоянной борьбе в нём доброго и злого начал. Земной мир и тело человека богомилы объявляли созданными дьяволом, небесный мир и душу человека – проявлением доброго начала. В богомилских общинах различались "совершенные", которые вели аскетический образ жизни, отрицали брак, и рядовые члены. Возглавляли богомилские общины "дедцы" - епископы. Упрочившись в Болгарии в X в., Б. распространяется в XI-XII вв. в Византии, в XII-XIII вв. в Сербии и Боснии (в Боснии оно стало господствующей формой идеологии, превратившись в своеобразную церковь).

Церковь и государство боролись против богомилов. Известна обширная антибогомилская литература (пресвитер Косма, Евфимий Зигабен). Византийский император Алексей I Комнин насильственно обращал богомилов в "правую веру", их вождя Василия сжёг на костре. Его политику продолжали Мануил I, в Сербии - Стефан Неманя, в Болгарии - Борил (Синодик Борила 1211). В период зависимости Болгарии от Византии (XI-XII вв.) богомилы участвовали в восстаниях болгарского народа против византийского ига (1040, 1072), поддерживали борьбу болгарского государства против Византии в правление царя Калояна (1197-1207). Постепенно социальные тенденции в Б. ослабевали, и к XIV в. оно становится чисто религиозным движением, распространённым главным образом среди духовенства и городского населения. Богомилы сохранялись до XVII в.

Религия катаров, заимствованная ими от богомилов, используя евангельскую и христианскую лексику, впадала в старую манихейскую ересь: катары отвергали материальный мир и творение. Религия дуалистична; для неё характерно противопоставление двух начал: "доброе" (созданный богом невидимый, духовный и единственно истинный мир) "злому" (земной, материальный мир, созданный сатаной). Осуждение всего земного, плотского вело к крайнему аскетизму: катары отвергали брак, запрещали употребление животной пищи, допускали самоубийство. Они не признавали церковных таинств, поклонения святым, индульгенций. Они изобличали пороки католического духовенства, римского папу считали наместником сатаны. Они требовали ликвидации церковного землевладения, отказывались от уплаты церковной десятины. Катары создали свою религиозную организацию, во главе которой стояли наставники - "совершенные" (*perfecti*), обязанные вести аскетический образ жизни. С катарами слилось райнее крыло вальденсов.

Учение К. легло в основу еретического движения альбигойцев, широко развернувшегося в Южной Франции в XII-XIII вв.

Альбигойцы считали земной мир, включая католическую церковь, творением сатаны, отрицали основные догматы церкви, требовали ликвидации церковного землевладения и церковной десятины. Основную их массу составляли горожане (главным образом ремесленники), частично крестьяне; к альбигойцам примкнула часть феодалов (особенно мелких), притязавших на церковные богатства. Известное покровительство альбигойцам оказывал тулузский граф. По инициативе папства против А. были предприняты крестовые походы (Альбигойские войны 1209-1229 гг., с перерывами). Альбигойцы были осуждены XII Вселенским (IV Латеранским) собором (1215). В крупных городах Юга была учреждена инквизиция, началось кровавое искоренение ереси, сопровождавшееся широкой конфискацией их имущества в пользу католической церкви и королевской власти. В XIV в. ересь альбигойцев исчезает.

Против катаров церковь при поддержке светской власти повела ожесточённую борьбу. В результате преследований к концу XIII - 1-й половине XIV вв. ересь катаров почти полностью была искоренена.

Перед лицом народных движений, звавших к возврату к евангельской бедности и простоте, папа Иннокентий III (1198-1216)

предоставил свободу действий двум замечательным людям: итальянцу Франциску Ассизскому (1181—1226) с его мирянской духовностью, давшему обет бедности, и кастильцу Доминику (1170-1221), основателю ордена проповедников, вскоре тоже ставшего нищенствующим.

В движении евангельской бедности папство мудро различало истинных поборников подлинно церковного идеала; оно также поддержало независимость и самостоятельность университетов, возникших в Париже, Оксфорде, Болонье.

Благодаря этому уже в конце XIII века взаимовлияния новых нищенствующих орденов, францисканского и доминиканского, и многочисленных университетов привели к возникновению нового варианта «кафедральных соборов» - теоретических построений, объединявших догматику и этику: это так называемые «Суммы теологии».

Если генерал ордена францисканцев (с 1273 года) св. Бонавентура (1221—1274) придерживался наиболее традиционной, августинианской линии в богословии, то св. Фома Аквинский совершил настоящую интеллектуальную революцию: он интегрировал в теологию учение Аристотеля, открытого благодаря переводам, сделанным иудеями и мусульманами. Фома проделал титаническую работу по усвоению аристотелевых понятий, которые дали ему инструмент, способный выразить Откровение при строгом разграничении веры и разума, благодати и природы.

Богословие Аквината – это попытка соединить в гармонии веру и разум, сверхъестественное и естественное, Бога и кесаря, созерцание и действие. Фундаментальное богословие творения, отличного от нетварного Бога-Творца, позволяет в духе оптимистического,

укорененного в Боге гуманизма следовать заповеди «владычествовать над всею землею» (Быт. 1, 26), данной человеку, созданному по образу и подобию Божию.

Вместе с тем очевидно, что подобный синтез, зиждущийся на равновесии стольких частей, не мог просуществовать долго; тем не менее, он навсегда оставил след в западной мысли, придав ей оптимизм, энергию технического поиска, возбудив миссионерские устремления.

Судьбу этого синтеза мистически показывает судьба его вдохновителей. В 1274 году на II Лионский Собор, имевший целью примирить христианство Запада и Востока, были призваны два крупнейших мыслителя XIII века. Но св. Фома Аквинский умер по дороге, а св. Бонавентура – почти сразу по прибытии.

Тот же идеал единства и защиты Церкви вдохновлял французского короля Людовика IX Святого, умершего накануне крестового похода (1270). Его деятельность укрепила союз духовной власти и светского могущества; его можно считать истинным мирянином в Церкви, жившим накануне «мирского» XIV века.

Однако, чтобы картина не показалась слишком радужной, надлежит, в противовес Людовику Святому, упомянуть и о другом современном ему суверене, который заставил Запад осознать хрупкость здания христианства: это германский король, а впоследствии император Фридрих II Штауфен (1194-1250), крестник папы Иннокентия III, проявивший себя как один из самых предприимчивых и непредсказуемых средневековых правителей. Он предпочитал крестовым походам переговоры и не скрывал своих симпатий к исламу, с которым столкнулся на Сицилии, где уживались латинская, византийская и мусульманская цивилизации. За независимую политику его несколько

раз отлучали от Церкви. Этот в своем роде гениальный и неоднозначный человек стал предшественником тех правителей, которые вынудили Церковь принять новый вызов, обычно называемый вызовом «секулярного духа»: государство как секулярная институция выступало против равновесия «двух градов», которое желала восстановить Церковь; кроме того, в XIV и XV веках появились и другие факторы, изменившие ситуацию.

Потрясения

В 1284 году рухнули дерзновенные своды собора в Бовэ: за простой ошибкой строителей многие тогда увидели знамение того, что вековой идеал вскоре будет поколеблен.

Действительно, в конце XIII века даже новые нищенствующие ордена способствовали приближению кризиса. Для более успешного подавления ересей папа, епископы и суверены учредили процедуру инквизиции, вскоре, в 1230—1235 годы, превратившуюся в трибунал. Инквизиция была отдана в исключительное ведение нищенствующим братьям — доминиканцам и францисканцам, поскольку она считалась своего рода проповедью: цель ее заключалась в том, чтобы привести уклонившихся от веры к признанию своих ошибок, несоответствия своих взглядов христианскому учению. Никто в средние века не был слишком поражен ни самой этой процедурой, ни санкциями, которые могли из нее вытекать, но введение ее, бесспорно, означало, что Церковь приготвилась к активной обороне.

Источник францисканства, столь чистый и ясный у св. Франциска и св. Клары, порой сильно замутнялся у их преемников. После смерти Франциска Ассизского орден миноритов раскололся на два полуеретических движения и был близок к осуждению церковью. Целая

ветвь францисканских братьев обратилась к апокалиптическому спиритуализму, опиравшемуся на идеи Иоахима Флорского, и в XIV веке практически выродилась в своего рода секты (например, фратичелли – полубратья, они же терциарии – братья в миру).

Светские профессора университетов, среди которых прославился философ Гильом де Сент-Амур (+ 1272), резким неприятием встретили новые ордена, подчиненные непосредственно папе и тем самым угрожающие епископальному или поместному устройству Церкви.

Император же, в соответствии с единственно возможной для него логикой противодействия папству, поддержал движение францисканцев-спиритуалистов, выступавших против Рима во имя идеала совершенной бедности, который они усматривали в буквальной интерпретации завещания св. Франциска.

В конце XIII века положение усложнилось. Раздраженный королем Франции Филиппом Красивым, папа Бонифаций VIII (1294—1303) составил документ, вновь с крайней суровостью утверждавший теократию. Булла *Unam Sanctam* 1302 года основывалась, как ясно уже из ее названия, на идее единства христианского мира, представленного одним главой, «а не двумя, как у монстра: Христос и Петр — викарий Христа и преемник Петра». Даже в области светских дел Папа обладает первенством, «если земная власть заблуждается».

Рубеж XIII—XIV веков, казалось, был отмечен гегемонией Папства, проявившейся в огромной волне паломников, хлынувших в Рим, так что Бонифаций VIII объявил 1300 год Святым Годом — Юбилеем, с полным отпущением всех простительных грехов. Данте, который, возможно, в тот год был в Риме, упоминает об этом (*Ад*, XVIII, 29). Однако собственная эволюция Данте, как она прослеживается в «Монархии»

(1312—1313) и в «Божественной Комедии», показывает противоречия, с которыми предстояло столкнуться Церкви после триумфа Юбилея.

Нарождение секулярного духа

Три года спустя конфликт папы с Филиппом Красивым получил продолжение: французские законоведы, то есть королевские юристы, выступили против теократии, которую защищал Бонифаций VIII. Гильом де Ногаре, вступив в союз с римской семьей Колонна, 7 сентября 1303 года нанес папе оскорбление в его замке в Ананьи, взяв его под арест. Бонифаций отверг предложение отдаться «под покровительство короля Франции», напротив, он даже готовился отлучить Филиппа Красивого от Церкви. Филипп предполагал подвергнуть папу суду. Но месяц спустя папа скончался от удара.

После семимесячного понтификата Бенедикта XI кардиналы избрали архиепископа Бордоского Бертрана де Го новым папой под именем Климента V (1305-1314). С 1309 г. папа Климент обосновался в Авиньоне — папском анклавом в Провансе, отделенном от Франции только руслом реки Роны. Папский престол оставался здесь с 1309 по 1376 г. (Петрарка называл это «Вавилонским пленением»).

Прецеденты подобного удаления папского престола из Рима уже имелись. За предшествующие два столетия папы находились вне Рима в общей сложности 122 года. Однако авиньонский период стал самым длительным периодом непрерывного пребывания папской резиденции вне Рима, и он пришелся на то время, когда национальное самосознание европейских народов особенно обострилось в результате Столетней войны между Францией и Англией. Теперь Папство действительно оказалось под покровительством французского короля. Папы постепенно стали выглядеть в глазах современников чем-то вроде французских

придворных капелланов. Все семеро авиньонских пап были французами, равно как и три четверти назначенных ими кардиналов.

Климент V согласился запретить орден тамплиеров, собственность которого Филипп IV хотел употребить на покрытие расходов, связанных с войной против Англии, а взамен Филипп согласился снять свои обвинения против Бонифация VIII. Климент созвал общецерковный собор, три сессии которого состоялись во Вьенне с октября 1311 по март 1312. Поскольку акты Вьеннского собора не сохранились, мы почти не имеем прямых сведений о его решениях и заключениях. На соборе было рассмотрено дело тамплиеров и строились планы нового крестового похода. Кроме того, на нем были приняты дисциплинарные постановления, касающиеся распущенности духовенства, епископских визитаций (инспекционных поездок) и разногласий между приходским священством и монашеством.

Преемники папы Климента, оставаясь в Авиньоне, постоянно заявляли о том, что их пребывание там носит временный характер и что они вернутся в Рим, как только позволят обстоятельства. Иоанн XXII (1316-1334) безуспешно использовал и военные силы, и отлучения, чтобы водворить в Италии мир, однако только после 1350 г. папские войска под предводительством кардинала Альборноса начали восстанавливать порядок в Италии. В 1367 папа Урбан V вернулся на престол св. Петра, однако новое восстание, вспыхнувшее после смерти Альборноса, вынудило его бежать обратно в Авиньон. Десятью годами позже папа Григорий XI вновь обосновался в Риме.

Централизация власти при авиньонских папах. Между тем авиньонские папы внесли существенный вклад в дело централизации папских административных структур и упорядочение финансов. Папа

Урбан V издал новые положения, регулирующие деятельность Апостольской палаты (осуществлявшей управление казной). Дальнейшие шаги были направлены на упорядочение судебной деятельности и связаны с созданием Римской Роты (Rota Romana), которая приняла на рассмотрение все дела, связанные со спорами относительно бенефициев, распределение которых находилось в руках папы. При папе Бенедикте XII в 1338 г. Апостольский пенитенциарий получил обширный свод законодательных норм, призванных прекращать действие различных церковных наказаний, в определенных случаях — даровать отпущение грехов, устранять всевозможные канонические неясности и давать разрешения на брак в случае, если для его заключения имелись какие-либо препятствия. При авиньонских папах продолжается процесс лишения патронов их права номинаций, а капитулов — их права избрания, поскольку все больше и больше должностей замещалось по прямому указанию папы. Со времени Григория XI (1370-1378) папы усвоили себе право распределять все главнейшие бенефиции, хотя нередко они соглашались с королевскими назначениями или выбором капитула.

Управление финансами при авиньонских папах. Финансовые проблемы обострились вследствие утраты авиньонскими папами их итальянских владений, а также из-за инфляции, поразившей всю Европу в конце XIV в. Авиньонские папы, особенно Иоанн XXII, проявили большие способности и изобретательность в создании новой финансовой структуры, отвечавшей их интересам. Одну часть доходов составили выплаты, собираемые непосредственно Курией, к примеру, одна треть ежегодного дохода с церковных бенефициев. Кроме того, взималась плата за подготовку документов, за получение паллия (архиепископской

мантии) и во время официальных визитов епископов к Святому Престолу (*ad limina*, «к порогу»). Другая часть податей собиралась на местах, и для этой цели была создана сеть папских сборщиков податей, охватившая всю Европу. Эти подати включали в себя церковную десятину, аннаты, или доход с бенефиция за первый год после его получения. Кроме того, действовало право присвоения, по которому папские сборщики забирали все движимое имущество скончавшихся епископов, и право на доходы со всех вакантных бенефициев, замещаемых по назначению папы.

Но не только расстановка сил изменилась в пользу светской власти — это изменение сопровождалось *богословским обоснованием королевских притязаний на национальную автономию*. В XIII в. Появляется понятие «родина» (*patria*).

Великий немецкий медиевист Эрнст Канторович (+1963) еще в 1957 г. показал, как происходил поворот в экклезиологии от мистики к политике¹.

В классической античности понятие «родина» означало совокупность всех моральных, политических и религиозных ценностей. В эпоху Средневековья оно изменило свой смысл; вассальные связи вытеснили идею *patria*, хотя само слово не исчезло. Оно употреблялось применительно к городу, деревне, лачуге и пр. Но в это время "сражаться за родину" было уже частным делом. Войны велись не с помощью ополчений граждан, а с помощью армий вассалов. Это скорее жертвы "pro domino", а не "pro patria" ("за господина", а не "за родину").

Только в XIII в. юристы провозгласили, что обязанность защищать родину выше вассальных обязательств.

¹ *E. Kantorowicz. Les Deux Corps du Roi. Essai sur la theologie politique du Moyen Age. Paris, 1989.*

Однако в церковном языке понятие "patria" сохраняло прежний смысл. Христианин был гражданином другого мира. Его настоящая родина - царство небесное, Небесный Иерусалим. Цель христианина – в том, чтобы его душа попала "ad patriam Paradisi" - "в райскую родину". Христианский мученик, умирающий "за веру" - образец для подражания.

Во время крестовых походов взимались налоги "для защиты Св. Земли". То, что было хорошо для "Христового царства", было хорошо для королевств Сицилии, Англии, Франции. Идея "справедливой войны" провозглашалась ради защиты родины и Святой Земли. Крестоносец погибал в борьбе против неверных и сразу отправлялся в небесный рай. Ив Шартрский в своих трудах "Decretum" и "Panormia" собрал все отрывки, где небесное вознаграждение было обещано тем, кто умирал "за истину веры, спасение родины и защиту христиан".

Но постепенно происходила секуляризация понятия "patria", причем терминология заимствовалась из римского права, переполненного патриотической лексикой. Так, в "Дигестах" различались "patria propria" (свой город) и "communis patria" ("общая родина").

Легисты использовали символ Рима в качестве patria communis применительно к различным монархиям. Так, средневековый Париж - это Рим Франции. Франция стала постепенно patria communis для всех французов.

Идея суверенитета Рима была заимствована всеми национальными монархиями. Верность новой родине, территориально ограниченной, заменила транснациональные связи фиктивной всеобщей империи.

Церковная идея стала светской. Политики стали использовать силу религиозного чувства в откровенно политических целях нового мистического тела территориальной национальной монархии.

Во Франции возник культ королевской династии. Французские "христианнейшие короли" были наследственными защитниками церкви.

Политико-моральные идеи смешивались с религиозными ценностями.

Самое глубокое определение Церкви, связанное с Евхаристией, — *Corpus mysticum* (мистическое тело) — стало экстраполироваться на первые национальные монархии. Теперь *мистическое тело* — это также и тело государства, которое посредством этого символа возводится в абстракцию и получает право требовать от своих подданных полного послушания и самопожертвования: можно «умереть за родину», не думая о конкретном государстве и короле, который наделен «двумя телами»: физическим, то есть смертным и индивидуальным, и тем, которое остается после смерти монарха. Смерть на поле боя за политический "*corpus mysticum*" во главе с королем официально приравнивалась к мученичеству. Понятие "мистического тела родины" перекрывало понятие "мистического тела церкви". Знаменитые слова «Король умер, да здравствует король!» — говорят именно об этом.

Итак, церковная идея "мистического тела" была перенесена на политические общности.

Национальная монархия прославлялась в квазитеологических терминах. Она обзавелась своими теоретиками, что служило выгоде императора Германии, выступавшего против полноты папской власти.

В трактате *Defensor Pacis* («Защитник мира»), составленном в 1324 году Марсилием Падуанским (+ 1342) и Жаном де Жанденом из

Парижского университета, проводится идея подчинения Церкви государству: задачи церковной институции, по мысли его авторов, должны ограничиваться преподаванием таинств.

Это было прямым нападением на папу Иоанна XXII (1316—1334), который как раз пребывал в состоянии противоборства с новоизбранным императором Людовиком Баварским. Речь фактически шла о перевернутой теократии, ибо защита мира, которая, согласно блаженному Августину, является задачей Града Божия, теперь передоверялась императору.

Уильям Оккам (+1347), выступивший во францисканских спорах относительно собственности и бедности на стороне противников папы, через несколько лет после появления описанной выше политической доктрины дал ей богословское обоснование. Руководствуясь своими номиналистскими идеями, он подвергал сомнению всякое посредничество вследствие своеобразного отказа от «универсальности». Перед лицом Божественного всемогущества существует только частное и индивидуальное, и последнее бесконечно отделено от первого, как случайность от необходимости. Император принимает власть непосредственно от Бога — через согласие народов.

Таким образом, речь идет о ***деклериализации мира и власти***. На фреске, написанной Лоренцетти для ратуши на Пьяцца дель Кампо в Сиене и представляющей доброе правление, отсутствуют изображения духовных особ. Разве Господь не есть также и Бог мирян?

Такую же позицию занимает и Данте: «Светская власть монарха без всякого посредства нисходит на него из источника власти вселенской»². Два великих солнца, которые вместе освещали мир, не

² *Монархия, III, XVI, 15.*

могут больше быть вместе, ибо одно погасило другое, когда меч совместился с посохом³. Данте предпочел встать на сторону вселенской монархии. Это и есть то, что мы называем **вызовом неоцезаризма**.

В то время как пронизанные новым мирским духом политическая философия и богословие уверенно прокладывали себе дорогу среди противоречий более сильных, чем противоречия XIV века, Церковь не смогла достойно противостоять вызову, брошенному ей суверенами. Вступив в эпоху самого тяжелого за всю свою историю кризиса, она сначала попала в рабство, а затем пережила раскол.

ВЕЛИКАЯ ЗАПАДНАЯ СХИЗМА. Под властью короля Франции институциональная Церковь оказалась в рабстве: она в буквальном смысле была заточена в Авиньоне. Даже некоторые постановления Вьеннского собора (1311—1312), как, например, осуждение тамплиеров, были свидетельством победы и мстительности Филиппа Красивого.

Французские (главным образом, лангедокские) папы укрылись в Авиньоне в то время, как вокруг бушевала война, на сто лет столкнувшая Англию и Францию (1337—1453). Бесчинствовали «вольные отряды» — нерегулярные войска английских наемников, грабителей и убийц. Эпидемии чумы опустошали Европу: в XIV веке «черная смерть» унесла жизни примерно трети населения Запада.

Тем временем папство твердо и упорно проводило масштабную административную и налоговую реорганизацию, а также ряд правовых и институциональных реформ, направленных к большей централизации.

Под воздействием мистиков того времени — св. Бригитты Шведской и св. Екатерины Сиенской, обладавших здоровыми представлениями об эkkлезиологии, Григорий XI в 1378 году решил вернуть папский престол

³ *Чистилище*, XVI, 106—111.

в Рим. Однако его скоропостижная смерть в том же году привела к страшным последствиям

Разразился серьезный институциональный кризис: «невеста Христова», «единая и святая», оказалась разделена Великим западным расколом. С 1378 по 1417 год в христианском мире существовало одновременно два, а затем и три папы: один в Риме, другой в Авиньоне и нечестивый «Иоанн XXIII» в Пизе. У каждого папы были свои кардиналы, опиравшиеся на поддержку земель, из которых они происходили. В подобном управлении Церковью отражалось противостояние национальных монархий и ее собственное бессилие в ситуации, когда она оказалась во власти мирской политики. Разделение коснулось отдельных регионов и почти всех монашеских орденов, которые стали «двуглавыми»; даже святые распределились между враждующими лагерями.

«Великая западная схизма» существенно ослабила папство и привела к возникновению новой концепции церковного управления, отрицавшей полноту власти папы и передававшей ее общецерковным соборам.

Избрание папы Урбана VI ускорило схизму.

После смерти папы Григория XI шестнадцать кардиналов в Риме собрались на конклав, чтобы избрать преемника. Пока они заседали, римская чернь, опасаясь, что французское большинство вновь выберет француза и переедет обратно в Авиньон, стала требовать избрания папы-итальянца. Кардиналы единогласно избрали неаполитанца, архиепископа Бари, принявшего имя Урбана VI.

Новый папа оказался начисто лишен благоразумия и такта. Его высокомерное поведение и необъяснимые выпады против кардиналов заставили последних пожалеть о сделанном выборе.

Покинув Рим, кардиналы постепенно собрались в Ананьи. Там они пришли к заключению, что избрание Урбана VI из чувства страха перед римской толпой следует считать недействительным. Поэтому они вновь собрали конклав и избрали папой французского кардинала Роберта из Женевы, который принял имя Климента VII и удалился в Авиньон.

Урбан отлучил от церкви Климента и его сторонников, а Климент проделал то же самое с Урбаном и сторонниками последнего.

В целом раскол произошел по национальному признаку: Франция и ее союзники поддерживали авиньонского папу, а итальянцы и противники Франции — римского.

Упрочение могущества кардиналов. Наиболее важным последствием великой западной схизмы явилось ослабление власти и престижа папства и возросшее могущество кардиналов.

Христиане были смущены зрелищем двух претендентов, борющихся за папский престол, — при том, что церковь осуждала подобную борьбу мирских владык за свои троны.

Климент и Урбан не только использовали в борьбе друг против друга отлучения от церкви, но и посылали друг на друга войска.

Духовные лидеры христианского мира желали положить конец расколу, однако никто не знал, как это сделать. Одновременное добровольное отречение обоих соперников было бы наиболее здравым решением, поскольку в этом случае кардиналы с обеих сторон могли бы встретиться и избрать нового папу. Однако этот план невозможно было привести в действие, так как соперничавшие «папы» отказывались

поверить в добросовестность отречения противника, а преемником Климента VII в Авиньоне стал Бенедикт XIII (1394-1424) — человек старый, несговорчивый и неуравновешенный.

После полного провала всех попыток ликвидировать раскол стало ясно, что ситуация зашла в тупик. Символическим примером такого положения дел стал отказ двух пап встретиться в январе 1408 года: Авиньонский папа Бенедикт XIII был в Портовенере, неподалеку от Специи, а Римский папа Григорий XII — в Лукке, и их разделяло расстояние всего в пятнадцать километров.

Соборная теория. В конце концов, обе коллегии кардиналов собрали подчиненных им епископов на общий объединительный собор в Пизе (1409).

Неспособность обоих пап преодолеть схизму, естественно, наводила на мысль об общецерковном соборе как о единственном способе разрешения проблемы. Это, в свою очередь, заставляло прислушаться к «соборному» учению о сущности и устройстве церкви, которое было выдвинуто Гильомом де Ногаре и Марсилием Падуанским в ходе их полемики, направленной, соответственно, против Бонифация VIII и Иоанна XXII. Согласно этому учению, церковь понималась как совокупность всех ее членов, которым и принадлежит верховная власть. Папы — высшие руководители церкви, однако они не наделены абсолютной властью и подчинены высшей власти церкви как единого целого, чью волю выражает общецерковный собор (подобно тому, как парламент выражает волю народа в государстве). Тем самым общецерковный собор стоит выше папы: он может низложить папу, и он устанавливает (и изменяет) обязанности и права пап.

Пизанскому собору не удалось прекратить схизму. Он провозгласил низложение обоих пап, римского и авиньонского, и избрал «пизанского» папу Александра V.

Однако ни один из конкурентов не подчинился этому решению, и после 1409 г. существовало уже три папы.

В 1414 г. император Священной Римской империи Сигизмунд I принудил преемника Александра V, Иоанна XXIII, созвать **Констанцкий собор**. Собор осудил всех троих пап. Иоанна вынудили принять свое низложение.

Вслед за тем римский претендент, Григорий XII, созвал свой собственный собор и на нем отрекся.

Авиньонский претендент, Бенедикт XIII, был низложен (хотя он отказался признать свое низложение и прожил до 1424 г., окруженный горсткой сторонников).

В конце концов, в 1417 г. кардиналы вместе с 30 делегатами собора избрали Мартина V — первого общепризнанного папу за 40 прошедших лет.

Папа Мартин происходил из семейства Колонна. Он был римлянином, и это служило залогом того, что епископ Римский вернется в свой город.

Кризис папства. Но последствия раскола оказались неисчислимы.

Они были *психологическими*: взаимные отлучения и опасность отойти в мир иной без последнего причастия в ту эпоху, когда умирали часто и внезапно, смущала умы.

Они были *экклезиологическими*: с подозрением относившиеся к папству епископы и суверены доверяли лишь Собору, а консилиаризм расшатывал церковное управление.

Наконец, они были *теологическими*: в Богемии появился Ян Гус (+1415), а в Англии — Джон Уиклиф (+1384). Эти клирики в какой-то степени восприняли и воплотили дух секуляризма. Мученичество Яна Гуса, сожженного на Констанцском Соборе, превратило его в народного героя и лишь сильнее разожгло пламя чешского национализма.

На протяжении этих скорбных, полных испытаний лет Церковь представляла собой множество людей, покинутых своими пастырями.

Вызов обмирщения XIV—XV веков был принят народом Божиим.

Ответы народа. Христианский народ нашел способ преодолеть постигшие его великие потрясения. Христианин был полностью предоставлен самому себе и психологически травмирован тем, что, принадлежа Церкви, он оставлен своими пастырями или просто уже не может испытывать к ним доверия.

Именно с учетом этой ситуации следует рассматривать пристрастие к конкретному, внутреннему, дающему успокоение благочестию, которое приняло форму новой волны благоговейного отношения к реликвиям: к ним прикасались, их хранили при себе, чтобы обрести защиту.

Конкретность заключалась в том, что люди перебирали четки, накапливали добрые дела или собирали индульгенции; это вселяло уверенность и оберегало в случае внезапной смерти, после которой, согласно верованиям того времени, душа должна была попасть в Чистилище.

Конкретное — это также и видимое: одиноко стоящий в огромном храме, где звучит латинская речь, народ Божий просил дать ему «увидеть Бога», как это называлось, то есть созерцать евхаристическую хостию (евхаристический хлеб в католицизме и англиканстве) и поклоняться Святым Дарам; этот обряд совершался в праздник Тела

Господня (*Corpus Domini*), широко распространившийся в начале XIV века.

Чтобы умерить страсть к конкретному и интимному, духовные учителя предложили образец благочестия, названный из-за своей новизны «современным благочестием» (фламанд. *devotio moderna*). Оно опиралось на полное любви созерцание воплощенного Бога, Христа-Человека, настолько близкого, что действительно можно Ему подражать; к этому призывает важнейший духовный трактат этой эпохи «О подражании Христу» Фомы Кемпийского (+1471).

Кроме того, христиане того времени, чтобы избавиться от своего ужасающего одиночества, с благочестивыми целями объединялись в бесчисленные *братства друзей Божиих*, если использовать термин, возникший в кругах рейнских мистиков, которые представляли собой антипод «нового благочестия». Начиналась эпоха братств, которые заполняли образовавшуюся пустоту и, видимо, стремились преодолеть тревогу и чувство одиночества.

Но христианскому миру выпало еще одно потрясение: в него вошел страх смерти и загробной участи. Страх этот питали распространившиеся по всей Европе наставления валенсийского доминиканца св. Винсента Ферера (+1419), полные впечатляющих рассказов об аде и Страшном Суде. Кладбища ассоциировались с пляской смерти, картина которой говорила об ужасающем равенстве всех людей перед лицом смерти: папы, короли, крестьяне и горожане кружатся в одном танце вместе со скелетами. Преждевременная смерть во время эпидемии или на войне была самым обычным делом.

Тем временем поднималась волна героизма, идущая из низших слоев общества. Когда мир изобилует ужасом, в нем преизобилует святость.

Можно вспомнить братьев, которые предавали земле отталяющие и заразные трупы.

Можно вспомнить героизм св. Рокко, который умер в 1327 году в Монпелье, ухаживая за больными чумой; после смерти св. Рокко прослыл столь могучим защитником от этой болезни, что его мощи были похищены и перевезены в Венецию, где братство его имени в 1562 году обратилось к знаменитому художнику Тинторетто с просьбой восславить святого своим искусством.

Можно вспомнить самоотверженность великого немецкого мистика Иоганна Таулера в Страсбурге в 1348 году и другие примеры непоказного героизма.

Богословская концепция взятия в небесную славу Пресвятой Девы, имевшая большое значение в эту эпоху, давала христианину надежду избежать тлена смерти через веру в нетленность тела Марии и в свое собственное воскресение.

Наконец, народ Божий, вовлеченный в межнациональные распри, смог придать понятию *нации* менее узкое значение, в большей степени соответствующее Евангелию и учению о Церкви.

Здесь, как и везде, путь указывали святые. Жанна д'Арк «изгнала англичан из Франции», движимая убежденностью, что существует одна справедливость, одно право и одно призвание для всех наций. Однако затем она столкнулась с жалкой пародией на священника — Пьером Кошоном, с продавшимся королю епископом Бове, с подобными ему богословами из Парижского университета, конциляристами и позднее

галликанами, среди которых лишь Жерсон имел достаточно силы духа, чтобы признать ее невиновной. Парадокс Жанны д'Арк, сожженной в 1431 году в возрасте восемнадцати лет, состоит в том, что она освятила земную нацию, приблизив ее к Царству небесному, и приняла осуждение от тех людей, которые были призваны воплощать собой Град Божий, но поставили себя на службу земной политике.

Пятьдесят лет спустя в декабре 1483 года отшельник и мистик из Трините св. Николай Флюйский, по происхождению крестьянин, объединил свою родную Швейцарию, примирив мудрыми словами христианина участников Станского сейма. Конфедераты осознали, что он спокоен, но при этом героически отстаивал национальный идеал.

В XIV веке каталонец св. мученик Раймонд Люллий (+1315) пытался евангелизировать исламский мир; в XV веке немец кардинал Николай Кузанский (+1464) продемонстрировал удивительное для своего времени экуменическое мышление, прилагая на Флорентийском Соборе все возможные усилия ради воссоединения Восточной и Западной Церквей.

Как свидетельствуют деяния лучших людей Церкви, она старалась ***интегрировать национальный идеал в католическое видение***, а народ Божий тем временем отвечал на вызов мирского духа расцветом благочестия и милосердия.

Церковь и вызов эпохи Возрождения. Ренессанс зарождается в новых цветущих оазисах Европы. Среди них выделяются Бургундия с ее фламандским доменом, и в особенности Италия, где, судя по всему, и возникло само слово «Ренессанс», то есть «Возрождение». Флоренция становится очагом обновления искусств в период, когда на смену республике приходит самовластное правление Козимо Старшего (1464),

происходившего из рода Медичи, который с некоторыми перерывами властвовал во Флоренции с середины XV до начала XVIII века.

Революционные изменения в эту эпоху происходят, прежде всего, в области науки и техники.

В то же самое время, с появлением прообразов капитализма – крупных германских и флорентийских компаний, революция охватывает и экономическую жизнь Запада; она проявляется в области финансов и денежного обращения, а в результате, в силу необходимости изыскивать все новые источники товаров, позволяющие делать торговлю более доходной, оборачивается революцией географической.

Этот же революционный поток затронул интеллектуальную и духовную сферу жизни европейцев, произведя в ней решительные перемены.

Дух обновления. Церковь осуждает любую — за исключением, разумеется, опыта святых и мистиков — крайность жизни духа: как его усыпление, так и, напротив, излишнюю экзальтацию. Теологические учения или страдают повторами, или же уклоняются в сторону софистики и таким образом уже не отвечают потребности в обновлении и реформировании, которую испытывает христианство в условиях межнациональных споров и столкновения интересов.

Это обновление происходит, прежде всего, в области культуры, искусства и литературы.

В тени авиньонского папства, несмотря на характерные для него «бюрократизацию» Церкви и зависимость от светских властей, возникла новая поэзия уроженца Тосканы, путешествующего по всей Европе, Франческо Петрарки (1304—1376). Петрарка любит классическую латынь, беседует с языческими авторами, однако, в своем трактате *Vita*

solitaria превозносит созерцательную жизнь как раз в тот момент, когда его брат Джерардо вступает в картезианскую пустынь (чертозу) в Монте, в Провансе.

Современник Петрарки флорентиец Бокаччо (1313—1375), хотя тоже пережил определенную религиозную эволюцию, проявляет гораздо более выраженную склонность к неоязыческому мышлению с оттенком натурализма и с вызовом христианству.

Уже на этих примерах видно, что *Возрождение, подобно Янусу, будет иметь два лица.*

После страшных опустошений, которые принесла великая чума, эти два человека, ставшие друзьями и наделенные, хотя и по-разному, литературным даром, в самом деле кажутся предшественниками нового духа, который позднее будет назван **гуманизмом**. Из этого духа произрастет культура Возрождения, уходящая корнями в Италию середины XIV века, расцветающая в XV веке и затем распространяющаяся по всей Европе.

Гуманизм провозглашает, что человек может жить, несмотря на то, что он смертен и что смерть очень близка к нему. По существу он утверждает, что цивилизации бессмертны, поскольку могут быть воскрешены, в особенности греческая и латинская.

Гуманизм восстает против предшествующей эпохи, которая представляется ему временем болезненного оцепенения. Он способствует обесцениванию так называемых «средних веков», то есть промежуточного периода между античностью и ее возрождением.

Но в этом выборе греко-латинской цивилизации предпочтение отдается такой культуре и такому мышлению, **жизненный центр которых составляет вовсе не христианство**; напротив, именно

христианство должно к ним приспособливаться, не будучи их источником.

Для того, чтобы уравновесить и отчасти исправить этот «первородный грех» Возрождения, будет сделана попытка в общем русле возвращения к античности обратить внимание на особую значимость истории ранней Церкви, которая при этом подвергнется идеализации.

Мы видим две стороны, два лика Возрождения уже в писаниях Петрарки и Боккаччо. Эта двойственность выступает как новый вызов Церкви. Все подчиняется новому призыву: *Ad fontes!* — «К истокам!»

Возвращение к истокам. В самой мысли о возврате к истокам заключено сознание отдаленности от них.

Эпоха Возрождения несет новое видение перспектив, более того, саму идею перспективы. Это – начало новой истории, менее провиденциальной и более озабоченной проблемами расстояния и контекста. В живописи оно непосредственно совпадает с *открытием линейной перспективы*, приписываемым Паоло Уччелло (1475), создателю витражей собора во Флоренции (1442—1445), а также батальных сцен в живописной технике, *которую позже заимствовал* Мелоццо да Форли.

Но еще полутора веками ранее Джотто (+1337) противопоставил Чимабуэ (ок. 1240—1302) новую, современную концепцию пространства, что было очевидно уже для Данте⁴. В работах Джотто живопись из иконной становится портретной, что позволяет придать персонажам те или иные индивидуальные черты. Таким образом, учитывается точка зрения художника, а вместе с ним и зрителя, их положение во времени и

⁴ *Чистилище*, XI, 95.

в пространстве. Можно сказать, что так нарождается субъективизм в живописи. В некотором смысле это означает отказ от древней установки на созерцательность, объемлющую все мироздание, в пользу внешнего, а вскоре и намеренно посюстороннего взгляда.

Именно это имеет в виду родоначальник «античного гуманизма» **Лоренцо Валла** (1407—1457): он представляет познание как процесс поэтапного преодоления некоего расстояния.

В 1440 году с помощью историко-лингвистического анализа он опровергает подлинность «Константинова дара», которым обосновывались притязания папства на светскую власть. В своих *ELeganiae* (1442) он выделяет стадии формирования латинского языка. В *Collatio* и в *Adnotationes* Валла дерзает сравнивать зачастую действительно небезупречную латынь Вульгаты (лат. пер. Библии IV в.) с греческим оригиналом Нового Завета.

Одним словом, он порывает с иллюзией человека средневековья, который если и не считал себя непосредственным современником всего, с чем он сталкивался в текстах, то, но крайней мере, был «на короткой ноге» со всеми персонажами и событиями прошлого.

О **трансформации восприятия истории**, произошедшей в XV веке, можно судить хотя бы по одеждам героев произведений искусства: и в живописи, и в скульптуре изображаемые люди перестают наряжаться в костюмы современной автору эпохи.

Следует отметить также, что в то время, благодаря притоку изгнанников, а позже и беженцев-греков, греческая древность делается для людей Запада ближе и понятнее. После Флорентийского Собора, на котором была подписана уния (1439), многие из византийских гуманистов остались на Западе, например, знаменитый архиепископ

Никейский Виссарион, ставший впоследствии кардиналом (ок. 1403—1472).

После 1453 года, когда Константинополь был взят турками, многие греки зарабатывали себе на жизнь тем, что обучали латинян своему языку. Одновременно они прививали им вкус к чтению в оригинале текстов античных философов, Септуагинты (Библии в греческом переводе 70 толковников), а также Нового Завета и творений Отцов Церкви. Новое открытие Архимеда и Оригена означало трансформацию как научного, так и богословского знания. Отныне владение греческим языком стало отличительной чертой подлинного гуманиста.

Само по себе обращение к истокам не могло бы наполнить глубокого русла Возрождения, если бы не действовал целый ряд «множителей»: жажда знаний и тяга к обновлению вызывала к жизни новые потребности, удовлетворение которых требовало материальных богатств и технической изобретательности.

Множители. Стремительный взлет эпохи Возрождения — следствие взаимодействия экономических, технических и демографических факторов.

На первом месте стоит, безусловно, богатство. Ренессанс не принес бы всех своих плодов без меценатства — неотъемлемого атрибута великолепия княжеских и королевских дворов. Развитию меценатства способствовала раздробленность Италии, где в каждом из мелких владений люди искусства находили себе покровителей. При этом сам процесс развития живописной техники находился в непосредственной зависимости от вкусов и запросов последних.

Короли XVI века дрались между собой за архитекторов и живописцев, покровительствовали гуманистам, делая их капелланами,

библиотекарями и наставниками своих детей. Папы и могущественные епископы предлагали им на выбор множество почетных должностей, оставляющих достаточно свободного времени на литературные занятия.

Тогда как все без исключения монастыри и старые университеты оставались в рамках средневековой научной традиции, светские правители либо учреждали параллельные заведения университетского типа — как, например, в Виттенберге (Саксония) в 1502 году или в Алкале (Кастилия), двумя годами ранее, — либо стремились тщательно следовать примеру традиционных научных центров, в результате чего, например, в 1530 году в Париже возникла коллегия, получившая название коллегии «королевских чтецов», а затем — «Французской коллегии» (*College de France*). Эразм Роттердамский, благодаря щедрому дару Иеронима Буслейдена, учредил в 1517 году в Лувене трехязычную коллегия.

Таким образом, покровительство властителей и просто богатых людей создавало предпосылки и условия для становления и распространения нового типа культуры.

На этом этапе на историческую сцену выступает еще один чрезвычайно важный «множитель» — изобретение книгопечатания, призванного размножить знания. Наиболее совершенную форму техника книгопечатания обрела после того, как в Майнце приблизительно в 1452—1455 годах встретились и объединили свои усилия три человека: Иоанн Гутенберг, его вкладчик Фюст и зять последнего Петер Шеффер.

К концу XV столетия книгопечатание сильно потеснило, а кое-где и заменило собой труд переписчиков, который в свою очередь был ранее усовершенствован благодаря появлению т.н. *exemplar*, то есть образцового, авторитетного текста, опираясь на который можно было

избежать бесконечных ошибок, неизбежно накапливавшихся при многократном переписывании.

Кроме того, повсеместно сохраняется применение ксилографии для печатания иллюстраций и кратких текстов.

В результате, по современным оценкам, с 1455 по 1501 г. (когда оканчивается время инкунабул) было отпечатано шесть миллионов книг; на всем Западе в течение всего средневековья манускриптов было создано гораздо меньше. Большинство вышедших в то время изданий относилось к религиозной литературе и вносило заметный вклад в развитие европейского менталитета.

С распространением книгопечатания, повлекшим за собой значительные сдвиги в сфере образования, многие европейцы постепенно вливались в ряды привилегированного образованного класса.

Наконец, наряду с первыми двумя множителями следует назвать и третий, побудивший европейцев раздвинуть границы освоенного ими пространства. «Наполненный мир» — следствие демографического роста — чудесным образом находит для себя новые, почти или совсем нетронутые пространства.

Европейская экспансия переживает подлинный взлет с начала XV века благодаря целенаправленной активной деятельности португальского принца Генриха Мореплавателя (+1460). На протяжении этого столетия португальцы систематически осваивают западный берег африканского континента — начиная со взятия Сеуты в 1415 году и вплоть до достижения ими в 1487 году Мыса Бурь, впоследствии названного Мысом Доброй Надежды.

Испании, уже много веков занятой Реконкистой, в 1492 году удается, наконец, отвоевать у исламского мира Гранаду. В том же году католические государи Испании соглашаются оказать покровительство и предоставить средства Христофору Колумбу, убежденному в том, что по повелению свыше он призван открыть путь в Индию, двигаясь в западном направлении. 12 октября 1492 года после более чем двухмесячного плавания Колумб причалил к одному из Багамских островов в Карибском море и ступил на берег, чтобы покорить новый огромный континент, которому не суждено было даже носить его имя. Колонизация Америки, земли высокоразвитых, но хрупких цивилизаций, требовала огромных усилий, приложив которые, Испания вскоре превратилась в громадную империю.

Португалия, стремясь получить свою часть добычи, осваивает земли далекой Азии.

Одним из следствий этих территориальных приобретений стал приток в Европу драгоценных металлов через посредство *Casa de Cantratacion* в Севилье; так росло европейское богатство, усиливая действие первого множителя — материального процветания.

Церковь и папство должны были определить свою позицию по отношению к этим великим свершениям. Что касается искусства и, шире, нового типа культуры, папство оказалось самым щедрым из всех меценатов.

Папы-гуманисты XV века стремились превратить папский Рим в столицу Ренессанса. При Николае V (1447—1455) возводится новый Ватиканский дворец, для чего приходится снести обветшавшую константиновскую базилику св. Петра.

Если Пий II Пикколомини (1458—1464) — прежде всего эрудит, то Сикст IV (1471—1484) на всем протяжении своего понтификата проявляет себя подлинным радетелем искусств. При нем строится капелла, носящая его имя. Он и последующие папы в течение полувека собирают бесценную сокровищницу Рима, давая заказы Браманте, Микеланджело и многим другим.

Строительство собора св. Петра, начатое в 1506 году, потребовало привлечения средств со всех концов христианского мира: призыв к приобретению индульгенций и оспаривание этой практики Лютером — таким будет тяжкий итог этого строительства уже после его завершения.

Проблема была действительно очень сложная. Развивающийся гиперкуриализм превратил папу в юридически неограниченного обладателя всей полноты власти, так что он по своему произволу мог раздавать и отнимать привилегии и налагать санкции. Иннокентий IV, например, претендовал на право временно освобождать от исполнения евангельских заповедей, даже не указывая на причины.

Против подобного злоупотребления «plenitudo potestatis» уже давно решительно возражали канонисты: они пытались ограничить папское всевластие обязанностью соблюдать этические принципы, они требовали соблюдать справедливость при принятии решений, вынесении приговоров и раздаче должностей, они говорили об общем благе и духовной пользе. Таким образом, к концу средневековья Церковь была ослаблена глубоким расколом между политическими претензиями пап и господствующим мнением канонистов.

Основание при Николае V Ватиканской библиотеки ознаменовало открытие Церковью книгопечатания, что было официально отражено в булле Александра VI 1501 года, а позже, в мае 1515 года, в специальной

декларации V Латеранского собора. Церковь приветствует новое искусство, вдохновленное свыше, но в то же время высказывает и некоторую настороженность в отношении столь мощного орудия. Хорошо, если оно будет употреблено «во славу Божию, к укреплению веры и распространению добродетелей»; но следует остерегаться, как бы «яд не смешался с лекарством», а поэтому необходимо установление предварительной цензуры, которая, впрочем, начнет действовать по-настоящему лишь после Тридентского Собора в середине XVI века.

Церковь не могла оставаться равнодушной и к географическим открытиям. Священнослужители отправлялись в путь вместе с мореплавателями. Впрочем, стремление к проповеди Евангелия у конкистадоров всегда тесно соседствовало с жаждой наживы.

Эта особенность отразилась и в «Александровом даре» — ряде булл Александра VI Борджиа (1492—1503), известных под названием *Inter caetera*, в которых земли Нового Света, как уже открытые, так и те, что еще предстояло открыть, были поделены между Испанией, родиной папы, и Португалией: «*Мы жалуем вам земли при условии, что туда будут посланы мудрые и сведущие люди, дабы наставлять туземцев в католической вере*».

Этот «дар», однако, мало принимался в расчет прочими европейскими государями; его условия неоднократно оспаривались и подвергались исправлениям даже упомянутыми в нем сторонами. В действительности эти буллы представляли собой, скорее, констатацию сложившегося в то время положения, нежели обязательное для исполнения решение верховной власти.

Таким образом, Церковь пожелала принять активное участие в освоении просторов, культурных и географических, открытых эпохой

Возрождения. Но отдавала ли она себе при этом отчет в опасности вызова, брошенного ей этим потоком новизны?

Соблазн язычества. С самого начала Возрождение и его важнейшее орудие — гуманизм обнаружили свойственную им амбивалентность и вновь пробудили подавленный до времени соблазн язычества. Уже сам термин «гуманизм», возникший значительно позже обозначаемого им явления, означает стремление полностью довериться лишь человеку и изгнать из поля зрения все, кроме него одного. Но и сам образ человека в эпоху Возрождения приобрел новые черты.

Искусство в это время становится по существу языческим, точнее, приоткрывает свое языческое лицо. Оно превозносит наготу мужского и женского тела, упивается чувственным содержанием форм. Краски и прочие материалы становятся гораздо утонченнее по сравнению с суровым и сдержанным средневековым искусством.

Рафаэль использовал свою любовницу Форнарину в качестве модели для образа Девы Марии (ок. 1510), а еще раньше Жан Фуке изобразил фаворитку французского короля Карла VII Агнессу Сорель держащей на руках Младенца Иисуса.

В констатации этих фактов нет ни тени ханжества, ибо они лишь подтверждают характерное для того времени смешение жанров. Увлечение языческим пантеоном античности было довольно невинно, но, безусловно, свидетельствовало о том, что взоры европейцев устремились куда-то за пределы христианства.

Еще более беспокоящий факт: сама мысль западного человека становится чувствительной к язычеству. Ее манит причудливо преломленный сквозь призму времени образ соразмерной и мудрой античности, причем как языческой, так и христианской, ибо сюда же

относится идеализированное представление о ранней, по крайней мере – доконстантиновой, Церкви, украшенной всеми возможными добродетелями.

Падуанская неоаристотелевская школа – характерное проявление возобладавшего в то время языческого духа. Университет в Падуе еще в средние века заслужил славу оплота инакомыслия, достигшую апогея благодаря Пьетро Помпонацци (1462—1525), который в 1516 году открыто усомнился в бессмертии души и в чудесах и выдвинул сомнительную теорию двойственной истины, уже известную по латинскому авероизму XIII века.

Эти идеи оказали глубокое влияние на умы европейцев эпохи Возрождения, поскольку они удовлетворяли потребность в чисто рассудочном знании и отрицали очевидную для зрелого средневековья необходимость гармонического сочетания разума и веры.

Не случайно имя Аристотеля фигурирует в характерных для того времени дебатах, как, например, спор об индейцах (ок. 1550) между доминиканцем Лас Казасом и каноником из Кордовы Сепульведой. Сепульведа, учившийся у Помпонацци, принадлежал к тем последователям Аристотеля, которые считали индейцев «рабами по природе», тогда как миссионер-доминиканец основывался на тезисе о достоинстве любого человека и следовал содержащемуся в булле 1535 года утверждению Папы Павла III о том, что *Sublimis Deus* (Вышний Бог) наряду со всем человечеством искупил также и американских индейцев.

Новый образ мыслей демонстрирует и Николо Макиавелли (1469—1527) — флорентиец, создавший образ идеального государя (в одноименном произведении 1513 года) и предложивший его в качестве примера для подражания вниманию Цезаря Борджа. Преследуя

благородную цель сохранения единства родины, он создал руководство для правителя, основанное на принципах жесткого политического реализма. Правителю, по мысли Макиавелли, не следует считаться ни с чем, кроме своих собственных интересов; людям ему лучше внушать, скорее, страх, чем любовь, остерегаясь, однако, открытой ненависти. Как это часто бывает, эта маленькая книжечка заняла столь важное место в истории мысли и приобрела стольких последователей главным образом благодаря скандальной неприглядности изложенных в ней идей.

Сама же фигура Цезаря Борджа, незаконного сына будущего Папы Александра VI, вполне типична для ренессансного кондотьера, а также для общей ситуации, которая определялась светскими амбициями современных ему понтификов.

Непотизм и фаворитизм господствовали при папском дворе, ставшем поистине воплощением мирского начала. Иннокентий VIII, Александр VI, Юлий II, Лев X и некоторые другие управляли Римом, который превратился в полуязыческий город. Скандальные происшествия того времени собраны и переданы надежными свидетелями, в чьих рассказах о злоупотреблениях пап звучит больше иронии, чем смущения.

В то же время, папство признавало необходимость преобразований в Церкви — слишком богатой, слишком подверженной мирским страстям.

Но в самой Церкви, зараженной язычеством, стремления к обновлению практически не было. Так, когда Александр VI узнал об убийстве своего любимого сына герцога Гандии, он тотчас создал комиссию кардиналов по вопросам церковной реформы, но эта попытка ни к чему не привела. Когда же перед ним предстал подлинный, хотя и чрезмерно страстный, реформатор — доминиканец Джироламо

Савонарола (1452—1499), приор монастыря Сан-Марко во Флоренции, Александр VI объявил ему войну не на жизнь, а на смерть.

Савонарола стал символом борьбы с царящим вокруг распадом. Его проповеди подобны апокалиптическим пророчествам о каре Божией. Для истории Церкви и особенно для Нового времени Савонарола имеет основополагающее значение.

Местом действия является Флоренция 1490-1499 гг., переживавшая момент самого сильного ренессансного неравновесия. До победоносного похода Карла VIII Французского в Италию и во время этой кампании город боролся за свою свободу против тирании рода Медичи. В этой среде (Феррара, Флоренция) семья Савонаролы из поколения в поколение слыла образцом серьезной религиозности и нравственности. Савонарола мог в то время получить только гуманистическое образование, но в его душе пустило глубокие корни преклонение перед «великаном» благочестия Фомой Аквинским, которого он вновь и вновь перечитывает и по сравнению с которым считает себя ничтожно малым. К тому же он великолепно знал Священное Писание.

Самое главное в нем – его героическая вера, его безупречной чистоты благочестие, серьезность его покаяния и строгость аскезы. Источником его набожности были ветхозаветные пророки. Он осознавал свою пророческую миссию посланца Божьего. И это сознание пророческого служения сделало его страстным апокалиптическим проповедником покаяния. Он говорил о горькой необходимости церковной реформы по примеру апостольской Церкви, мечтал о полноте веры и совершенной любви, осуждал языческий дух Ренессанса и особенно преданность этому духу римской курии.

Его проповедь направлена против морально разнузданной эпохи, когда месть считается правом, разбой на большой дороге - обычным делом, насилие и яд - общепринятым способом захвата вожаемой власти. Этот мир кажется юному студенту таким развращенным, что он готов посягнуть и на саму веру.

Как приор монастыря Сан-Марко, он самым тесным образом связывает свои проповеди с событиями национальной истории. Он настойчиво обращается к Италии, Риму и Флоренции; но, говоря о Риме как о «Вавилоне», он имеет в виду Церковь, более того, клир, упрекая его в многократном увеличении количества богослужений («О, если бы в них была нужда!»). Остро критикуя монахов и прелатов, он возлагает на них ответственность за «эту непогоду», за «это зло». Он прямо провозглашает: «Голова больна». «Горе этому телу».

Общее содержание проповедей сводится к трем пунктам: 1) Церковь следует подвергнуть наказанию; 2) тем самым ее следует обновить; 3) это скоро произойдет. Отзвук старинных (Иоахим Флорский) и новых мотивов так и слышится в проповедях Савонаролы; эти мотивы оказывали мощное воздействие на слушателей.

Савонарола был великим молитвенником и мистиком, выдающимся аскетическим писателем, героическим характером в борьбе за Церковь и свободу христианской совести. Возможно, что в добродетели смирения он не достиг той степени совершенства, которая позволяет полностью отрешиться от собственной воли. Но добродетель пророка была ему свойственна в полной мере. Он ясно говорит о том, что его миссия и ниспосланное ему свыше знание ни в коем случае не оправдывают его. И, наконец, его настойчивость в провозглашении пророческих требований никогда не соскальзывает в суетность тщеславия.

Непосредственно возложенным на Савонаролу делом было руководство монастырем. Но это дело тесно переплетается с его общими трудами по преобразованию Церкви, особенно столь горько упрекаемого клира. В своем монастыре он пытается восстановить древнюю епитимью. Кроме того, он занимается учреждением конгрегации обсервантов.

Савонарола бесстрашно нападал на Александра VI, чье избрание на престол произошло благодаря подкупу и связям. Критика наталкивается на сопротивление папы, который запрещает этому брату чтение проповедей. Реформированный монастырь Сан-Марко хотят повернуть назад, введя менее строгий устав. Дело всей жизни пророка оказывается под угрозой. Он отказывается, он ссылается на веленье Божие.

Политические враги вступают в союз с его церковными противниками. Партия его противников использует неудавшийся «Божий суд», чтобы возбудить чернь (не народ!); Савонаролу бросают в тюрьму и, подвергая ужасным пыткам, вырывают неоднозначные признания, затем их еще и фальсифицируют и приговаривают его к смерти как еретика, схизматика и сторонника порочных новшеств. Но монах продолжал твердить: «Я говорил так, потому что этого желал Господь».

После того, как он и двое его соратников исповедались и причастились (Савонарола причастил себя сам), его с соблюдением обычной церемонии лишили сана, «отлучили от воинствующей Церкви», затем повесили, тело сожгли, а прах рассеяли по Арно.

Личность и кончина великого монаха, вступившего в конфликт с таким человеком, как Александр VI, проливали свет на чудовищное смущение умов, поразившее Церковь. Неужто сбудется его слово: «Рим, ты погибнешь!».

Довольно краткий период «духовного царствования Иисуса Христа», провозглашенного Савонаролой во Флоренции в 1495—1497 годах, следует рассматривать именно в свете столкновения языческого соблазна с осознанием необходимости реформы в евангельском духе. Не была ли проповедь Савонаролы обращенным к Церкви призывом ответить на вызов эпохи Возрождения? Конечно, легко представить этого доминиканца носителем чисто средневекового сознания, еще сплошь пронизанного апокалиптическими настроениями проповедей Иоахима Флорского, — оно ярко проявляется в том энтузиазме, с которым Савонарола говорит о новом Кире — французском короле Карле VIII, завоевателе Италии. Можно также акцентировать его ригоризм в вопросах морали: он приказывал сжигать картины и украшения на «кострах сует».

В то же время Савонаролу можно рассматривать и как защитника христианского искусства, как ревнителя чести католичества, со всех сторон осаждаемого язычеством.

Примером разрыва между призванием христианина и обличаемым Савонаролой соблазном язычества может служить притягательный образ живописца Сандро Боттичелли (1445—1510). В его полотнах чувствуется конфликт языческой экзальтации с христианской созерцательностью. Дело даже не в переходе от одного к другому, не в эволюции тематики от мифологических сюжетов (Весна, Венера, Минерва) к исполненным глубокой духовности Мадоннам. Зачатую он поразительным образом совмещает оба начала — например, в «Алтаре св. Варнавы», где святые наделены чертами античных божеств. Наконец, несомненно, не без влияния Савонаролы, Боттичелли снабжает свое исполненное мистицизма «Рождество» 1500 года апокалиптической надписью. Этот

флорентийский мастер, разрывающийся между языческими искушениями и стремлением обратить свое искусство к христианству, предстает ярким символом своего времени.

Остается отметить, что во времена Савонаролы монастырь Сан Марко — где восхищают нас до сих пор фрески Фра Анжелико и откуда преобразующая нравственная энергия распространялась по всей Флоренции, а затем и по всей Церкви — был центром ученых-гуманистов христианской ориентации.

Даже когда возродивший славу Платона Марсилио Фичино (1433—1499), бывший сторонником Савонаролы, в конце концов его оставил, два наиболее типичных представителя флорентийского гуманизма оставались тесно связанными с Сан Марко: это Анджело Полициано (+1494), находившийся под покровительством семьи Медичи, а также молодого графа Пико делла Мирандола (+1494).

Оставив в стороне вопрос о духовном влиянии Савонаролы на итальянских мистиков конца XVI века (св. Филипп Пери, св. Екатерина де Риччи), назовем имена таких выдающихся библеистов, как Санта Панини и Занобио Аччяуйоли, чья деятельность явилась непосредственным порождением его преобразований, чтобы в должной мере оценить значение интеллектуального обновления, на которое могла опереться подлинная реформа Церкви. В действительности, если учесть его влияние в Испании, а также вспомнить о богословских трудах Пико делла Мирандола, вызвавших в XVI столетии восхищение всей Европы, Савонарола предстанет, как ни парадоксально, вестником подлинно христианского гуманизма.

Здесь, однако, мы встречаем тенденцию, которая с тех пор более не исчезала из истории христианского мышления. Тенденция

заключается в том, чтобы из общей сферы «Церкви», «Писания» и «традиции» извлечь нечто якобы существенное, некий сущностный комплекс.

В качестве характерного примера можно назвать спиритуализм, который проявлялся подчас в слишком свободных формах. Его опасным проявлением было философское богословие гениального Пико делла Мирандолы. Савонарола, поддерживавший с ним дружеские отношения, упрекал его за это в некрологе. Он писал, что Пико был настолько опьянен силой и достоинством человеческого духа и своеволия, что в его зыбкой терминологии спасение оказывается почти идентичным самоспасению, а добродетель - познанию («сократическое заблуждение»). Концепция «logos spermatikos» [семенного логоса] доведена до единства всех религий, так что и понятие единой истины, и христианское учение (разумеется, зафиксированное) как единственно истинная религия оказываются под угрозой.

Спиритуалистическая тенденция проникает в богословие кардинала Виссариона, Рудольфа Агриколы и Эразма. Она выражала или прокладывала путь формирующемуся субъективизму в догматически опасной форме.

Христианское возрождение

Величайшие из гуманистов, то есть преподавателей «гуманитарных наук» (*studia humanitatis*), педагогов по призванию, ясно сознавали опасность нового языческого соблазна и вызов, обращенный им к умам христиан. Именно поэтому они считали своим долгом дать на этот вызов глубоко христианский ответ, основанный на Евангелии.

Возьмем для примера две наиболее интересные фигуры того времени, столь тесно связанные друг с другом, что их называли

близнецами: англичанина Томаса Мора и Эразма Роттердамского, которого следует назвать, скорее, первым гражданином Европы.

Томас Мор (+1535) интересует нас постольку, поскольку он является собой пример того, как можно с мудрым безумием до конца пронести по жизни свой крест. Остроумный и глубокомысленный автор «Утопии» (1516) сделал, казалось бы, достаточно блестящую карьеру, чтобы по праву наслаждаться благами жизни. Но он, напротив, то уединяется в картезианском монастыре, то всей душой отдается радостям семейной жизни и ученых занятий, а в конце концов, оставаясь во всем верным себе, спокойно и твердо восходит на эшафот, куда его приводит представление о христианской верности отечеству, королю и Церкви.

Эразм (+1536), с его острым умом, живостью чувств и эгоцентризмом, несомненно, представляет собой гораздо более неоднозначную фигуру. Он долго избегал открыто противопоставлять свои убеждения учению Лютера, за что даже получил прозвания Протея и Януса. Но пришел день, когда ему пришлось открыто встать на сторону традиционной Церкви, ибо, по его мнению, несмотря на испорченность и злоупотребления, Церковь более последовательно защищала лучшее в человеке: врожденную свободу, свободу воли, открывающую дорогу благодати. Как Джаноццо Манетти в 1452 году и Пико делла Мирандола в 1498, Эразм в 1525 году хочет отдать должное достоинству человека.

Для Пико человек — это микрокосм во вселенной, спасенный и преображенный через Воплощение и Искупление, совершенное Сыном Божиим, ставшим Человеком.

Эразму, как и другим христианским гуманистам, читателям Плутарха и его «Жизнеописаний знаменитых мужей», была весьма близка идея некой духовной элиты, которая достойна поклонения, но

при этом играет решающую роль в ответственном деле обучения, управления и наставления в истине.

Эразм – приверженец не только парадокса, которому он придал почти катехизическое и во всяком случае моральное значение, но в равной мере сторонник *philosophia Christi*: единственная Премудрость в этом мире — это Христос, но именно в Своем смирении, бедности и крестоношении.

Эразм говорит: «*Все соотносите со Христом*», — и сам в меру своих сил, как богослов и ученый, облегчает эту задачу: благодаря ему становятся более доступными Библия и комментарии к ней, вводятся в обиход труды величайших христианских философов — в первую очередь Августина и любимого им Оригена, практическое богословие становится более «здоровым» и соответствующим евангельскому духу.

В то же время жизнь и учение Эразма отражают основную черту гуманизма: отсутствие интереса к догматам и склонность к спиритуализму. Эразм недооценивал точно сформулированный догмат так же, как недооценивала его гуманистическая критика, упрекавшая схоластику в ее понятийной определенности. Его биография и его учение свидетельствуют о заинтересованности в практической нравственной религиозной жизни. Однако он не проявляет такого же интереса к догме и к пламенной и глубокой вере. Он принимает догму и Церковь как институт, но они не являются для него движущей силой.

Такого рода «адогматизм» означал в то время ослабление Церкви, поскольку именно тогда было необходимо снова вернуться к признанию центрального положения догмата и его богословской ясности. Лютер правильно угадал в Эразме недостаточную приверженность догмату, хотя одновременно предъявлял

к нему совершенно непропорциональные претензии касательно догмата о благодати.

Воистину христианским гуманистом, безупречно религиозной личностью был ученый аббат-бенедиктинец Иоганн Тритемиус (+ 1516). Он затратил много усилий для осуществления подлинной реформы в своем монастыре в Шпонгейме. Когда ему это не удалось, он перебрался в Вюрцбург, в тамошний шотландский монастырь, где позже стал аббатом (1506). Это был очень знающий, хотя, возможно, несколько некритично мыслящий ученый. Его аскетические сочинения сохраняют свою непреходящую ценность. Однако для них характерно не только странное пристрастие к разного рода тайным наукам, но и упорное суеверие.

На вызов, брошенный язычеством, христианский гуманизм отвечает обращением к самому главному: к Слову Божию и Логосу Божию, к Библии и Христу. Но, будучи, так сказать, оптимистами в богословии, гуманисты-католики, по видимости, терпят крах: протестантская Реформа с негодованием отвергает их и осуждает как пособников язычества, содействовавших его усвоению обществом.

Гуманисты находились как бы меж двух огней: с одной стороны, богословы-традиционалисты упрекали их за отрыв от средневековых корней; с другой стороны, новаторы-протестанты считали их атеистами или, но меньшей мере, людьми неблагочестивыми: *Du bist nicht fromm* — «Ты не благочестив», — пишет Лютер Эразму. Не следует забывать, какую обличительную силу все еще сохраняет в то время слово *impietas* (неблагочестивый).

Это *двойное отвержение* способствовало усилению в их среде пессимистических настроений, в полной мере отразившихся в

загадочной трагедии Шекспира «Гамлет» (1601), которая знаменует конец XVI столетия.

Оглушенный на какое-то время злобными выкриками в свой адрес, исполненный печали о своих несбывшихся надеждах, христианский гуманизм выйдет из испытаний очищенным, лишенным былого полемического пыла и презрения к оппонентам и окажется способным повлиять, хотя бы частично, на ход Тридентского Собора (1545—1563) и на его постановления. Соблазн язычества будет по-настоящему преодолен, когда в начале XVII века в лице св. Франциска Сальского (1567—1622) Церковь противопоставит ему не славу и триумфализм эпохи Возрождения, но смирение и то, что было названо «благоговейным гуманизмом»: более благочестивым, более духовным, более жизненным, одним словом, более человеческим. Церковь воистину «возрождается» из испытаний и раздоров, пусть даже следы их не изжиты по сей день.

Откладывание реформ. Соборный кризис до основания потряс Католическую церковь и папство и оказался препятствием на пути реформ, которые возобновились лишь после протестантской Реформации. Все папы, начиная с Мартина V и кончая Львом X (папой эпохи начала протестантской Реформации), признавали необходимость реформы. Однако реформа должна была начинаться с самой папской Курии, где процветали такие пороки, как одновременное замещение нескольких церковных должностей, nepotизм и симония.

К несчастью, коллегия кардиналов состояла преимущественно из отпрысков аристократических семейств, которые желали вести княжескую жизнь, и стоило какому-нибудь папе серьезно задуматься о реформе, как он немедленно оказывался под угрозой низложения.

Административная анархия. Основная слабость папства эпохи Возрождения выразилась, прежде всего, в нарастании административной анархии, сделавшей реформу практически невозможной. Большинство назначений на церковные должности распоряжался Рим, и епископы не были хозяевами в своих епархиях.

Папы были охвачены страхом перед соборным движением, проявляли большой интерес к ренессансной светской учености и принимали деятельное участие в итальянских войнах, а тем временем церковные общины чувствовали себя все более независимыми от какой-либо власти.

Даже само правящее ядро церкви страдало от административной неупорядоченности, и папы были неспособны осуществлять эффективный контроль за деятельностью чиновников Курии. Многие покупали у церкви высокие должности, считая это хорошим помещением капитала, и в результате процветала коррупция.

Обмирщение пап (ренессансное папство). Уже Мартин V (1417-1431), который некогда после окончания схизмы торжественно возвратился в заваленный мусором, грязный, полуразрушенный Рим, работал над украшением города. Вскоре после него близко соприкоснулся с Ренессансом серьезный Евгений IV (августинец; 1431-1447); из-за римской революции он был вынужден многие годы (между 1433 и 1442 г., кроме трех лет в Риме) провести во Флоренции, центре нового образования. Стремясь к унии с греками, он привлек для работы в папской канцелярии многих ученых — знатоков греческой культуры (Эрмолаэ Барбаро, + 1493 г., Пьеро дель Монте, + 1457 г., Флавио Бьондо, + 1463 г.).

Начиная с Николая V (1447-1455) папы сделали Рим интеллектуальной и художественной столицей Европы. Папа Николай на полных правах вводит Ренессанс в папскую курию.

Новый тип художественного восприятия и новый способ творить молитву бросается в глаза на фресках *Фра Анжелико*, которые он создавал в Ватикане в 1448-1453 гг. по заказу папы Николая V. Фра Анжелико представляет одно из самых ранних и чистых воплощений религиозно-церковного ренессансного искусства. Изображения святых на его фресках еще не затронуты рефлексией, гармоничны, цельны (не говоря уж об архитектурном обрамлении, например в сцене Благовещения), но в то же время уже свободно индивидуализированы, что в средние века было бы невозможным.

Типичной чертой гуманистов было их пристрастие к книгам и манускриптам, античным и христианским, которые они увлеченно разыскивали, покупали и коллекционировали. На Объединительном соборе в Ферраре-Флоренции собранные вместе старые греческие тексты сыграли большую практическую роль. Таким путем была частично заново открыта и введена в оборот западной культуры греческая патрология. Широкое распространение греческого языка делает возможным возвращение к изучению Евангелия в греческом оригинале, что явилось одной из решающих предпосылок благочестия грядущих столетий (Эразм, Реформация).

Папа Николай V был восторженным другом книги (однажды он в одном из немецких монастырей обнаружил сочинения Тертуллиана). Он построил папскую библиотеку, собирал рукописи и организовал перевод греческих сочинений на латынь. Последующие папы продолжали

поощрение гуманистов и приглашали в Рим таких художников, как Браманте, Рафаэль и Микеланджело.

Из-за приверженности папства светской культуре Ренессанса возник разрыв между религиозной идеей и ее осуществлением, т. е. обнаружилась заметная внутрицерковная слабость.

Как папы эпохи Ренессанса осуществляли свои главные задачи? Были ли они добрыми пастырями стада Христова?

История папства того времени знает тому немало примеров. Личная христианская жизнь некоторых пап, например, Евгения IV или Пия II (начиная с его сорокалетия) или Николая V, свидетельствует об усилиях, достойных глубокого уважения. Можно сказать, что вообще нельзя исчерпывающе перечислить усилия в сфере официального администрирования и руководства.

И все-таки: политика, богатство, гедонистический образ жизни, светское образование, благополучие собственных семей и неумное покровительство родственникам настолько захватили их, что некоторые папы явили собой глубокое искажение Духа Христова, Чьими заместителями на земле они были.

Чудовищные, так сказать сверхличные, нестроения Авиньона и схизмы, симония и nepoтизм, отрава подчас безнравственной жизни, усугубленной стремлением превратить Церковное государство во что-то вроде семейного владения, - все это говорит о порочной мирской суетности, к которой папство проявляло слишком сильную приверженность.

Позором папства стал высокоодаренный Александр VI (1492-1503), которого его противники считали отпрыском марранов (второй папа из

испанского рода Борджа). С его именем связаны юбилейный 1500 год, симония, прелюбодеяния и отравительство.

И все-таки опасность, о которой идет здесь речь, обнаруживается даже не на примере этого морально несостоятельного папы; при нем отступничество пап от своей миссии проявилось в виде *личной* нравственной деградации.

Более наглядным примером, так сказать, структурного изъяна ренессансного гедонизма является папа *Лев X*, чья личная мораль не вызывала нареканий. Он получил превосходное образование, владел греческим, любил театр и рыбную ловлю. Но именно он - «наместник» Распятого! - во всеуслышание заявил: «Позвольте нам наслаждаться папством, раз уж Господь послал нам этот сан». Имя этого папы связано с позорной историей майнцских индульгенций (афера Тецеля) и безответственной организацией процесса над Лютером.

Эти папы и соперничавшие с ними, во всем подобные им кардиналы, а также епископы и соборные клирики во всем мире, подобные этим кардиналам, в то время привели Церковь, с точки зрения религиозно-апостольской, на край гибели. Они в такой степени навлекли на себя гнев Божий, что только чудо могло спасти папство и Церковь. Не следует преуменьшать тогдашних вопиющих к небу нестроений Церкви. Необходимо со всей последовательностью отдавать себе в них отчет, ибо именно это знание служит поистине потрясающей в своей мощи апологией Церкви. Становится ясным, что Церковь достигла того, что недоступно любому всего лишь естественному организму: будучи отравленной, она исторгла из себя яд. Правда, кризис был тяжелым и привел ко многим потерям, но Церковь вышла из него не ослабленной, но окрепшей, она не стала меньше, но внутренне выросла.

Прагматическая санкция. В XV в. папство практически полностью уступило свой контроль над церковью во Франции и Испании монархам этих могущественных национальных государств. В 1439 г. французский король Карл VII собрал высшее духовенство Франции в Бурже, где была принята Прагматическая санкция.

Этот документ отменял уплату папских налогов, отрицал право апелляций к Риму, а также заменял право папы контролировать выборы на церковные должности соответствующим правом короля.

В 1516 г. Франциск I и папа Лев X заключили Болонский конкордат, которым отменялась Прагматическая санкция, но который сохранял королевский контроль над церковью во Франции. Король сохранял за собой право номинации, а папа — право утверждения архиепископов, епископов и аббатов.

Фердинанд и Изабелла аналогичным образом расширили свой контроль над церковью в Испании, получив право раздавать церковные бенефиции, осуществляя полный контроль над церковью в Новом Свете и Гранаде, запретив публикацию папских булл без королевской санкции и отрицая право обжалования приговоров испанской инквизиции в Риме.

Церковь и вызов Реформы

Ecclesia semper reformanda (Церковь, всегда реформирующаяся).
Смысл этого речения, одновременно реалистического и оптимистического, состоит в том, что Церковь должна постоянно пересматривать свои позиции, изменять и преобразовывать себя.

Можно понять тех историков, которые, говоря о всегда столь чаемых и столь же трудно проводимых в жизнь реформах, рассматривают в качестве единого целого длительный период с XVIII по XVIII век, начало которого знаменуют последние отзвуки григорианской

реформы, а окончание — первые признаки угасания реформистского движения, инициированного Тридентским Собором.

Это мнение противостоит другому взгляду — более узкому и слишком сосредоточенному на феномене, несомненно, чрезвычайно важном, но в то же время ограниченном: возникновении протестантизма.

Существует и третья точка зрения, согласно которой в качестве реформистского периода следует рассматривать время с начала XV до середины XVII столетия. Последнее мнение означает, что при определении границ интересующей реформаторской эпохи нужно принимать в расчет современное значение понятия реформы.

Действительно, когда произносят слово *Реформа* (или *Реформация*, согласно лексикону протестантов, которые используют более старое французское слово), обычно подразумевают полвека — период возникновения протестантизма, которому предшествовала т.н. Предреформация и последовала католическая реакция, получившая наименование Контрреформации (*Gegenreformation*).

Сегодня для объяснения этого процесса предлагаются и более сложные схемы.

Необходимость реформ стала ощущаться в Церкви особенно остро в связи с повсеместным расцветом секулярного духа, на который христианский гуманизм возрождения не нашел убедительного ответа. В XV веке христианский гуманизм дал импульс попыткам преобразований в монашеских орденах. В начале XVI века приверженцы этого духовного направления руководствовались стремлением воплотить евангельские идеалы в живой реальности, в частности, в общественных институтах, и,

тем самым, непосредственным образом подготовили как протестантскую, так и католическую Реформы.

Затем, следом за потрясениями не только в религиозной, но и в политической сфере, вызванными выступлением на сцену Лютера (1483—1546) и позднее Кальвина (1509—1564), получило развитие то, что правильнее всего было бы назвать протестантскими Реформациями — именно во множественном числе, ибо они столь разнились между собой, что о них допустимо говорить как о противостоящих друг другу, хотя все они едины в признании исключительного приоритета Библии и веры.

ПРЕДПОСЫЛКИ РЕФОРМАЦИИ

I. Внешние (по отношению к Церкви) предпосылки и условия Реформации

Политические предпосылки и условия Реформации. Самый важный признак политической ситуации накануне Реформации - тот же, что и в позднем средневековье: *на фоне ослабления империи, в которой активизируются процессы децентрализации, в Западной Европе наряду с многообразием мелких политических образований возникают крупные монархические державы с централизованным управлением.*

Помимо уже существующих к тому времени монархий, благодаря объединению Кастилии и Арагона образуется будущая *Испанская империя* (1469 г., когда был заключен брак между их величествами Фердинандом Арагонским и Изабеллой Кастильской). Им удается окончательно изгнать мавров с Пиренейского полуострова: в 1492 г. падет Гранада, и в том же году Колумб предъявит заявит о правах Испании на «Новый Свет». Продолжавшаяся несколько столетий борьба с маврами превратила эту страну в постоянный фронт и сообщила ей

фронтальной дух: сильная церковность и самоотверженная преданность национальной миссии были естественным следствием такого положения дел.

Напротив, *ни Германии, ни Италии не удастся собрать силы для настоящего объединения.*

а) *Италия* постоянно страдает от гражданских войн и частых чужеземных нашествий. После распада Священной Римской империи на ее территории образуется множество городов-государств, в том числе Генуя, Милан (при герцогах Сфорца), Феррара (д'Эсте), Мантуя (Гонзага), но особенно важную роль среди них играют Венеция и Флоренция (Медичи). В Центральной Италии папа Александр VI (1492-1503), затем (после опасных авантур его сына Чезаре Борджа) Юлий II (1503-1513) стремятся превратить Церковное государство в действительно политическую державу; им удастся свергнуть беспокойных и честолюбивых римских баронов и с помощью «Священной Лиги» изгнать из Италии французов. Впрочем, благодаря Людовику XII дело чуть не дошло до схизмы: в ответ на созыв Миланско-Пизанского собора (1511) Юлий созывает Латеранский собор (1512-1517); но он не выполнил своей задачи реформировать Церковь.

б) В *Германии* продолжается *политический раскол*, которым характеризовалось и все предыдущее развитие: с одной стороны император и империя, с другой – княжества и земли. Помимо этого продолжают продолжаться раздробленность и разного рода несогласия и споры земель.

Император - с 1437 г. постоянно из дома Габсбургов - может упрочить свою власть только путем утверждения и сохранения династии. Габсбургам это удастся благодаря удачной политике заключения браков.

Фридрих III (1439-1493) был последним императором, которого короновали в Риме. Его сын Максимилиан пытается, но безуспешно, провести имперскую реформу.

Наряду с курфюршествами большое влияние в империи приобретает герцогство Баварское.

Неопределенность политической и церковной ситуации снова и снова вызывает нарекания, жалобы (*Gravamina*) и попытки реформ. Призывы к реформам впервые раздались на Констанцском соборе (1414-1418) и с тех пор звучат постоянно. При этом одновременно выдвигаются требования церковной и имперской реформы. Решающее для истории Церкви значение эти призывы приобретают только с момента выступления Лютера. (Впервые в Аугсбурге в 1518 г.; это все те же старые жалобы на финансовые притеснения со стороны Рима; новым является только то, что сословия по мере назревания социального переворота все чаще ссылаются на настроения в народе.)

в) Во *Франции консолидируется королевство*. Людовик XI (1461-1483) решительно отбирает власть у крупных вассалов, его сын Карл VIII (1483-1489) продолжает эту политику. Он даже может позволить себе военный поход на Италию, чтобы предъявить сомнительные права на Неаполь; он планирует восстановление Византийской империи. Однако, вскоре после захвата Неаполя, коалиция императора с итальянскими государствами вынуждает его отступить.

г) В *Англии окончание династических споров* (войны Роз) также привело к укреплению власти короля. Генрих VII (1485-1509) становится уже почти абсолютным монархом, его влияние на Английскую Церковь очень велико.

Социальные предпосылки и условия. а) **Социальное развитие** осуществляется прежде всего в *городах*. Их своеобразный жизненный уклад, их возрастающее политическое влияние сыграли весьма существенную роль в возникновении и распространении современной светской культуры. На городской почве развивается денежное хозяйство, а скоро – и чисто денежное предпринимательство раннего капитализма, зарождается крупный капитал и монополизм (Фуггеры, Вельзеры, Медичи, курия).

б) **Нижние слои беднеют** и выражают недовольство. Это касается опустившихся *рыцарей*, промышляющих разбоем. Таким же тяжелым было положение эксплуатируемого *крестьянства* («глупый» крестьянин был неизменным персонажем тогдашней литературы). Оба эти слоя создавали благодатную почву для государственных, церковных, общественных и религиозно-революционных течений, играя значительную роль как в подготовке Реформации, так и в ее распространения (Зикинген; Гуттен; Социалистические секты; визионерство; Крестьянская война в Германии).

II. Внутренние предпосылки Реформации (религиозно–церковное положение)

I. Папство

1. **Крупное внутрицерковное антипапское движение позднего средневековья**, нашедшее свое выражение в идее созыва демократических и национальных соборов (Констанца, Базель) оборвалось, не принеся Церкви стойких результатов. Его плоды пожали князья, заключившие конкордаты с Римом (решающую роль для Германии после конкордатов 1447 г. сыграл Венский конкордат 1448 г.).

Но и папство также усилило свою власть, причем усиление это носило почти исключительно политико-экономический, а не религиозный характер. Папство все больше и больше становится похоже на сменяющие друг друга княжеские династии, которые прежде всего пекутся о Царском государстве и своей собственной семье.

2. К тому же в 1460 г. **отвергается идея соборов** как высших носителей власти в Церкви (тем же самым Пием II, который прежде был ее защитником). Однако идея не умерла. Она приводила к оживлению политических течений во Франции, она продолжала жить и в Германии. Она и не могла исчезнуть окончательно. Это обнаружилось во время Реформации, когда призыв Лютера сообщил этой идее новую, дотоле немыслимую весомость, подвел под нее религиозный фундамент и придал ей революционный характер.

3. Общим результатом позднесредневекового развития оказалось, таким образом, **не усиление папства и его идеи, но размывание этой идеи**. Представление о папстве как об уникальной, ни с чем несравнимой, неприкосновенной религиозной институции, идея «католического» как чего-то объективного, коренящегося в сознании, не подлежащего ни критике, ни противодействию, были опасно ослаблены. Это ослабление, широко проникшее в сознание народов, точнее, в сознание их духовных и политических вождей, и сделало возможной Реформацию.

Богословская непроясненность идеи папства и Церкви из-за богословских распрей, из-за практического богословия епископальных и папских администраций и бездуховной жизни многих представителей клира стала характерным признаком ситуации.

4. Необходимо сказать и о **финансовом использовании Церкви со стороны Рима**. Говоря о «Церкви» мы имеем в виду в данном случае Немецкую Церковь, так как Церкви Испанская, Французская и Английская почти полностью находились в руках национальных королей.

Приведем в качестве примера архиепископство Майнцское: его торговля с курией и афера Тецеля непосредственно связана с началом Реформации.

Маркграф Бранденбурга Альбрехт II, с 1513 г. архиепископ Магдебурга и администратор Хальберштадта, в 1514 г. стал также архиепископом Майнца. С целью привлечения значительных средств для покупки этих должностей он начал торговлю индульгенциями в своей епархии. Поступления от продажи индульгенций предназначались на строительство собора св. Петра в Риме (1513). Этот авантюрист, взорвавший Церковь, за 10 лет с 1505 по 1514 г. только за свое назначение архиепископом трижды выплачивал Риму по 10 000 гульденов конфирмационных и почти столько же «ризничных» денег.

Альбрехт назначил монаха-доминиканца Иоганна Тецеля генеральным помощником по вопросам сбора пожертвований прихожан на отпущение грехов в соборах Магдебургской провинции.

Именно Тецелю Лютер направил экземпляр своих «95 тезисов».

Конечно, следует принять во внимание тогдашнюю всеобщую продажность, но она не может служить оправданием ни для религиозно-христианской трактовки событий вообще, ни для оценки папства в частности.

II. *Епископы, соборные капитулы, клир*

1. а) Не только епископства, но и все **высшие духовные должности почти без исключения находились во владении**

дворянства. Для этого дворянства прелатура в большинстве случаев была просто средством обеспечения беззаботной, полной удовольствий жизни. Церковь была неимоверно богата, и значит, на ней можно было наживаться. Пастыри пеклись не о верующих, а о самих себе. Соборные каноники превратились в «помещиков Господа», а соборные капитулы - в «дворянские богадельни». Там ведать не ведали о богословии, очень редко служили мессу, подчас причащались, как миряне, в Страстной четверг, не заботились об образовании священнослужителей; многие жили не только в свое удовольствие, но и безнравственно.

Все эти нестроения усугублялись возможностью **накопления должностей**, которое было отменено юридически только Тридентским собором, а фактически перестало практиковаться только благодаря секуляризации.

Кроме того, жизненные воззрения ренессансной курии роковым образом совпадали со светски-гедонистическими стремлениями соборных каноников из дворян. Даже хороший папа ренессансного времени Пий II считал упомянутую монополию дворянства на занятие должностей соборных каноников чем-то похвальным.

Реформаторский мятеж застал на епископских кафедрах и в капитулах князей и дворянских сыновей, не способных оказать никакого религиозного сопротивления; они рассуждали точно так же, как те их родственники на княжеских престолах, которые позже осуществляли Реформацию («*cuius regio...*»); в серьезной проповеди Лютера они с удовольствием - хотя он преследовал совсем другую цель! - нашли то, что искали: отсутствие нравственных ограничений. В свою очередь, внутреннее разложение облегчило недовольному народу разрыв с их «духовно-бездуховным» авторитетом.

б) Все это было не исключением, но правилом: общая картина характеризовалась **вопиющим несоответствием религиозной и апостольской идее духовного служения**. Достаточно сказать, что весьма часто приходилось силой принуждать монастырский клир оставаться в пределах своих резиденций (на месте монастыря или соответствующей школы). Подрыв устоев Церкви шел изнутри. **Внутреннее разложение** действовало губительно не только на низший клир, но и на народ и на его представления о сущности Церкви и духовного сословия. К этому добавлялось огромное раздражение и обида на кровопийц и болтунов. Эти тенденции проявлялись в обвальном распространении Реформации.

в) *Жалобы на всеобщее падение нравов* слышались не только от противников Церкви, например, от язвительных гуманистов, для которых не было ничего святого; даже в те времена существовала небольшая избранная группа строго церковных мужей, таких как Бертольд Пирстингер с Химзе (1465-1543), страсбуржец Гайлер фон Кайзерсберг (1445-1510) и Томас Мурнер (1469-1537), высказывавших свои сожаления относительно положения дел в Церкви. Однако для большинства было справедливо следующее высказывание: «За сто лет никто не слышал и не видел, чтобы какой-нибудь епископ совершил какое-нибудь духовное деяние» (Иоганн Вимпфелинг). Многие церковные и частично светские источники с конца XV в. до 70-х годов XVI в. содержат точно такую же оценку: Адриан VI и Игнатий Лойола приводят примеры потрясающих злоупотреблений.

Несмотря на несомненные заслуги некоторых епископов, трудно назвать такие деяния, которые обладали бы плодотворной силой религиозного вдохновения. Можно радоваться только тому, что среди

тогдашних служителей Церкви все еще попадались добросовестные люди, хотя бы в виде исключений, подтверждающих общее неутешительное правило.

2. а) Среди низшего клира также распространилось ***пренебрежительное отношение к идее священного служения***, к душепопечительной миссии Церкви. Разница заключалась лишь в том, что это пренебрежение было вызвано не богатством, а бедностью. Возник ***духовный пролетариат***: священники без призвания, без внутреннего стержня, без знаний, без достоинства, живущие в праздности и во грехе конкубината. Вся их забота о спасении душ верующих сводилась к служению мессы; народ относился к ним с насмешкой и презрением. Развитие описанных выше тенденций означало близость революции в Церкви, т. е. Реформации.

Мы не всегда располагаем точными данными, позволяющими судить о характере и уровне *образования* многих священнослужителей предреформационного времени. Различные косвенные данные говорят, что духовные лица едва ли выходили за пределы рудиментарного религиозного знания, доступного любому верующему, и выполнения церемоний во время мессы и таинств.

Разумеется, были и тогда образованные священнослужители, иначе не печатались бы латинские образцы проповедей и латинские переводы Библии. Правда, тиражи были очень небольшими, но число изданий было довольно значительным. Это несколько смягчало упомянутые трудности, но не устраняло их. И когда затем благодаря интенсивному штудированию Библии и благодаря извлеченному из нее богословию новое образование внушило народу и князьям реформаторские взгляды

на веру, эта слабость оказалась смертельной болезнью даже там, где священнослужители радели о спасении душ своей паствы.

б) **Причины возникновения духовного пролетариата:** (1) несоразмерно большое число клириков; это было обусловлено тем, что практиковалось совмещение церковных должностей, папская курия вела торговлю должностями: симония вошла в обиход, чем выше становилось благочестие народа, тем большее число сыновей священников стремилось получить доходное место; (2) епископы не проявляли достаточной требовательности к подготовке молодых священников и рукоположениям; (3) совмещение должностей привело к тому, что забота о душах перепоручалась мизерно оплачиваемым заместителям.

В период Реформации рухнули многие преграды, создалась возможность беспрепятственно сбросить с себя узы церковных обязанностей: немедленно обнаружилось, что в среде этого клира церковная сила значительно ослабла, порой вообще исчезла, его связь с епископатом, приходом, с собственно духовным делом оказалась давно разорванной.

в) К описанию упомянутых нестроений необходимо сделать ряд методических дополнений, иначе картина будет неполной.

Если говорить о множестве церковных *нестроений*, то речь идет, прежде всего, не о морально-религиозной слабости, а о том, преобладает ли объективная, творчески-религиозная сила, например, забота о спасении душ и подготовке молодого поколения священников к служению, или же царит усталость и апатия? Именно здесь и важно провести различие между фасадом и жизнью, которая либо живет за ним, либо умерла. Нельзя просто сбрасывать со счетов многочисленные описания безнадёжного состояния религиозной изможденности. Если не

принимать во внимание это устрашающее состояние распада, то вообще невозможно объяснить период Реформации.

3. а) **Процесс разложения захватил и ордена.** Губительным для них было увеличение числа монахов, а развращающую роль (наряду с экземициями и прочими папскими привилегиями) сыграли деньги. Богатые аббатства - для дворянства, богатые городские монастыри – для патрициев: в этих доходных местах жилось легко и беззаботно. Ни о каком призвании во многих случаях не было и речи. Уже в XV в. были частыми случаи бегства из монастырей монахинь и монахов. Распущенность зашла так далеко, что даже там, где местные князья, распорядившись в Церкви, как в собственном имении, пытались силой осуществить хотя бы небольшие частичные реформы, они встречали прямое сопротивление.

б) Однако, чем более тщательно мы изучаем историю городов по новым архивным источникам, тем яснее становится, что во многих монастырях не было *грубых* нарушений устава. Более того, в отдельных обителях предпринимались энергичные попытки реформ, хотя им явно не хватало сильной творческой инициативы.

в) **Только картезианцы противостояли** этому разложению: этот орден «никогда не реформировался, ибо никогда не деформировался»! Они пользовались уважением многочисленных профессоров и ученых, пополнявших их ряды. Картезианские монастыри XIV-XV вв. переживали свой расцвет, для них была характерна мистическая направленность духовных усилий, особенно в Германии, где в 1510 г. имелось 195 таких обителей.

Сохранение подлинной живой религиозности во многих монастырях и старых орденах подтверждается тем, что, когда начался

принудительный роспуск, многие монахи и монахини сопротивлялись этому значительно активнее, чем считалось прежде.

III. Народное благочестие

1. а) Папа, епископ, священник, монах, Церковь, ее заповеди, ее богослужение и ее таинства были для людей пятнадцатого столетия вещами сами собой разумеющимися. Но это ***укорененное в вере мировоззрение давно не было ни цельным, ни здоровым.***

Отношения между клиром и народом, считавшим епископа представителем Бога и соответственно авторитетом, были натянутыми и тем менее гармоничными, чем больше расходились их экономические интересы.

Это особенно резко сказывалось в городах-епископствах. Именно там чаще всего возникали споры и разногласия *между бюргерами и клиром*, преимуществами которого в экономической конкуренции были духовные суды и свобода от налогов, а также *между епископами и бюргерами*, причем первые злоупотребляли духовной юрисдикцией, слишком часто применяя такие меры, как отлучения и интердикты; бывало, что поводом служили светские споры или обычные небольшие денежные долги.

Внутренняя антиномичность идеи средневекового, духовно-светского епископа вследствие ее сильного ***обмирщения*** проявляется теперь как противоречие. Отсюда огромная неприязнь народа, доходившая порой до открытой ненависти к духовенству, обоснованность которой признавали искренние священники. Возмущение: оно проявлялось даже в самом благочестии, которое приобрело несвойственный католичеству экзальтированный характер и

проявилось в массовом распространении пророчески-апокалиптических сочинений и песен.

б) **Неприязнь не обошла стороной и папство.** Напротив: напряженность, возникшая из-за религиозных нестроений и столкновения финансовых интересов, усиливалась благодаря национальным трениям. Недовольство Римом сыграло на руку Реформации. Оно не было локальным и возникло достаточно давно: несколько столетий оно зрело на почве реального политического и экономического положения дел. Кроме того, его подпитывали и весьма распространенные в эпоху средневековья еретические течения. В конце средневековья умы были взбудоражены оппозиционными идеями и претензиями к Риму.

2. а) Несмотря на это почти нигде во второй половине XV в. дело не доходит до антицерковного движения. Причина отсутствия таких движений заключается в том, что как раз **тогда в народе расцвело церковное благочестие.**

Это было время крупных пожертвований на монастыри, широко практиковалось строительство храмов на средства верующих, украшались алтари, заказывались мессы и заупокойные службы, торжественно и богато обставлялись богослужения, литургия сопровождалась пением прекрасных хоров, совершенствовались церковные органы, входили в моду духовные песнопения, набирали высоту и глубину проповеди.

Появлялись многочисленные издания Библии, издавались псалтыри и миссалы, молитвенники, святцы, душепопечительные, назидательные, исповедальные, заупокойные тексты, жития святых, индульгенции, памятки о Крестном пути, множились и процветали братства

(розенкрейцеры), вдохновляемые идеями духовного родства и взаимопомощи.

Шире распространялось почитание реликвий и святынь; совершались паломничества в Ахен, Вильснак (чудотворные облатки), Трир («святая плащаница», выставленная впервые в 1512 г.).

При всем том следует проводить тонкое различие: такие произведения, как «Подражание Христу» из-за своего латинского языка были доступны очень узкому кругу читателей (хотя как раз эта превосходная книга была переведена на национальные языки). Но если и находились священники или монахи, способные передать содержание душепопечительной литературы на национальном языке, то число тех, кто мог понять и усвоить смысл высокодуховного благочестия, было весьма невелико.

б) Бросается в глаза и вызывает недоумение опасная **изолированность подлинно благочестивых дел на фоне обыденно-формального религиозного поведения, выход на первый план идеи «заслуги» и нездоровый арифметический подход к духовному благу.**

Торговля индульгенциями привела к прямо-таки чудовищному увеличению отпущенных грехов при одновременном снижении требований к усилиям благочестия, которые должны были бы прилагаться самими верующими. Особенно опасным злом была финансовая деятельность торговцев индульгенциями, которая становилась все более явной и, наконец, выступила наружу самым отвратительным и симоническим образом.

в) Чем шире распространялись религиозные обряды, тем более **формально они исполнялись.** Известно, например, что в

Нидерландах в 1517/18 г. жители ежедневно ходили к обедне; с другой стороны, новейшие исследования показывают, что, например, во Фландрии даже не все жители постились и причащались хотя бы в Великий пост.

3. Прямые и косвенные свидетельства раннего и высокого средневековья с поразительным единодушием говорят о ***сильной формализации христианских обрядов и дефиците сакральности.***

В период накануне Реформации появляются указания, которые синоды адресовали пастырям относительно принятия таинств, количества и содержания проповедей; они касались преимущественно моральных оценок и христианской обрядовости; однако догматическая углубленность, например, объяснения того, что есть Крещение, что есть месса, или что есть Церковь или спасение в этих синодальных посланиях представлены очень бледно, и соответственно очень редко идет речь о причащении Святых Тайн.

Даже если отвлечься от многочисленных доказательств распространения грубых суеверий, христианский итог, в смысле жизни по Евангелию, можно назвать только неудовлетворительным.

Ключевым моментом этого благочестия, даже там, где оно было напряженным, где искало Бога, но не любви Господней, было не оправдание на Страшном Суде через Иисуса Распятого, но - в поверхностно-фактическом смысле - «избавление» от вечной гибели. Непосредственный контакт со словом Писания, Евангелиями и Посланиями апостолов, с интеллектуально-духовным богатством литургии был недостаточным: имел место образ жизни с крещением в начале и похоронами в освященной земле в конце. Но вероисповедальная основа, духовное понимание того, во что веруешь,

было довольно расплывчатым, неясным, восприятие таинств крещения и евхаристии – в значительной степени вещественным.

* * *

Католическая Реформа, в плане словесного самоопределения еще более неторопливая, чем в своем практическом осуществлении, началась благодаря Тридентскому Собору и распространилась по всем землям, которые не были завоеваны протестантизмом. Реформа эта, в сущности, сводилась к продолжению попыток минувшего века, направленных на внутреннее обновление институциональной Церкви, изъязвленной притеснениями светских властей и раздорами в собственной ограде.

Возрождение, которое в XVI веке лишь набирало силу во Франции и Германии, уже вплотную приблизившись к закату в Италии, обусловило громадные сдвиги в различных сферах — интеллектуальной, общественной и политической, явившись, таким образом, еще одним вызовом Церкви.

Реформы же были, скорее, формами этих сдвигов, а не их последствиями.

На заре XVI века практически все, в том числе и наиболее светские из Пап, соглашались с необходимостью преобразований в Церкви.

3 мая 1512 года в речи на открытии V Латеранского собора Жиль де Витерб — генерал ордена августинцев, из рядов которого вышел Лютер, — буквально исторг рыдания из собравшихся. В своем выступлении он нарисовал действительно драматическую картину: *«Когда в истории Церкви жизнь наша пребывала в большем упадке, когда претензии были более безмерны, алчность более всепоглощающая, бесчисленные грехи более безрассудны? ... Когда еще не просто*

невежество, но пренебрежение к священным предметам, к таинствам, к церковной власти, к святым заповедям было столь велико? Когда еще наша религия и вера подвергались большему осмеянию, чем и каши дни, даже в среде простонародья?»

В тот же день Папа Юлий II (1503—1513), оставшийся в памяти потомков отнюдь не праведником и смиренником, писал: *«Не только от церковной дисциплины, но и вообще от принятого людьми всех возрастов и состояний образа жизни не осталось камня на камне».*

V Латеранский Собор завершил свою работу в 1517 году, за семь месяцев до выхода Лютера на арену христианской истории. Будучи последним Собором перед началом Реформации, он принял решение о незначительных преобразованиях, которые никак не могли предотвратить разгоревшийся вскоре пожар. В результате этот Собор оказался, по выражению немецкого историка Деллингера, лишь «черновиком» следующего, Тридентского Собора (1545-1563).

Истинный вызов происходил от группы людей, которые впали в своеобразный восторг от ощущения возможности совершить то, чего веками в бездействии чаяли Соборы, святые и Папы: преобразовать Церковь до основания. Так, во всяком случае, казалось этим людям.

Но вызов Реформы повлек за собой величайший во всей истории латинской Церкви раскол, сопровождавшийся бесконечной чередой войн и анафематствований, взаимной нетерпимостью и помрачением разума. Нарушенное единство христиан с тех пор так и не восстановлено, несмотря на постоянно предпринимаемые попытки возобновления диалога и новейшие экуменические усилия.

Удар Реформации расколет и гуманизм. Он заставит многих в Церкви очнуться от гуманистической беспечности и релятивистского

безразличия и пересмотреть свое отношение к образованию. Он всколыхнет в них веру в спасение, принесенное Христом.